This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

F Slav 176.45.7 (1809, no.13)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

1809
13

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ.

1809.

№ по описи
во шкафѣ 6
Наполкѣ 7
Книга Сз. 48

Въ Университетской книжной лавкѣ, что на Тверской улицѣ, продаются слѣдующія книги:

Луцилія, или Арендарка маленькаго домика, нравоучительная сказочка; съ Французскаго перевела Катерина Воейкова. — М. 1781 г. въ Университ. типогр. — Цѣна въ пер. 1 руб. 50 коп.

Наставленія Греческаго языка, сочиненныя въ Московской Славено-Греко-Латинской Академіи въ пользу обучающихся Греческому языку во оной же Академіи и во всѣхъ Семинаріяхъ, съ присовокупленіемъ словъ, находящихся въ Новомъ Завѣтѣ, подъ смотрѣніемъ тояжъ Академіи Греческаго языка Учителя, Семена Протасова, съ примѣчаніями. — Въ 8ю долю листа, М. 1788 г. въ типогр. По[illegible] — Цѣна въ пер. 2 руб. 90 коп.

Китайскія мысли; — перевелъ Гнъ. Леонтіевъ; изданіе 2е. СПБ. 1786 г. въ тип. при Акад. Наук. — Цѣна въ пер. 2 руб. — въ 8ю долю листа.

Нещастная Принцесса, или трогательныя приключенія Авреліи; переводъ съ Франц. языка. М. 1791 г. — Цѣна въ перепл. 1 руб. 60 коп.

Процвѣтающая Греція, или краткое описаніе жизни шестидесяти знаменитыхъ мужей, какъ то: Эсхина. — Алцея. — Алек-

0-5
13-38

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛІЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

Полка 75
4779 VIII

ЧАСТЬ XLVI.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1809.

ОТД XXII

Д
P.S.Ca - 176.25.7(1869/13)

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY AUG 29 1963
63*2

2053
2

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮЛЬ, 1809.

No 13.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Приключенія застѣнчиваго человѣка.

(Писанныя имъ самимъ.)

Я болѣнъ неизлѣчимою моральною болѣзнію, которая мѣшаетъ мнѣ пользоваться удовольствіями общества, и наконецъ принудитъ совсѣмъ его оставить. Эта болѣзнь — застѣнчивость. Хотите ли имѣть обо мнѣ какое-нибудь понятіе? — Извольте читать. Отецъ мой былъ человѣкъ небогатой и худовоспитанный. Мать моя умерла, оставивъ меня въ совершенномъ еще младенчествѣ. Батюшка хотѣлъ непремѣнно, чтобы я пользовался тѣми выгодами, которыхъ судьба по нещастію его лишила — то есть хорошимъ воспитаніемъ (такъ называлъ онъ ученость, пріобрѣтаемую въ Университетахъ и шко-

лахъ), и меня отправили въ Оксфордскій Университетъ. Я учился и многому выучился, но былъ стыдливъ и застѣнчивъ. Батюшка не могъ присылать мнѣ много денегъ, и все, какъ нарочно, способствовало усилить во мнѣ ту робость и ту натуральную неловкость, которыя нынѣ причиною всѣхъ моихъ нещастій, и отъ которыхъ никакъ ненадѣюсь избавиться. Я высокъ ростомъ, но очень тонокъ; довольно хорошъ лицемъ, но такъ часто и легко прихожу въ смущеніе, что поминутно вся кровь бросается мнѣ въ лице, и тогда бываю довольно сходенъ съ краснымъ макомъ. Внутреннее чувство неловкости пріучило меня убѣгать отъ общества: я привязался къ школьной жизни, будучи твердо увѣренъ, что грубое обхожденіе и необразованность отца моего только что усилили бы во мнѣ собственную натуральную мою неловкость; расположился принять къ себѣ учениковъ и жить въ Университетѣ — но вдругъ два неожиданныхъ произшествія разстроили всѣ мои планы: я говорю о смерти отца моего и о возвращеніи богатаго моего дяди изъ Бенгала.

Этотъ дядя, о которомъ я рѣдко слыхалъ отъ батюшки, былъ очень давно забытъ родными, почитавшими его уже

мершвымъ, и нажилъ множество денегъ въ Остъ-Индіи. Онъ не засталъ брата своего въ живыхъ. Признаюсь въ стыду моему — невѣжество и грубость въ обращеніи отца моего часто заставляли меня досадовать, что я былъ его сыномъ: олѣдственно, потерявъ его, я не былъ въ отчаяніи. Дядя мой отчаявался еще менѣе. Проживши двадцать лѣтъ съ нимъ розно, онъ успѣлъ отъ него отвыкнуть, и во все это время думалъ единственно о томъ, какъ бы нажить сокровища, на которыхъ основывалъ все свое щастіе въ будущемъ. Но все суета, сказалъ Саломонъ, и дядюшка мой, возвратясь въ Европу, отъ перемѣны ли климата, отъ трудностей ли, которыя принужденъ былъ перенесть во время переѣзда, вдругъ занемогъ и вдругъ скончался, оставивъ меня единственнымъ по себѣ наслѣдникомъ. И такъ двадцати пяти лѣтъ сдѣлался я изъ ученаго бѣдняка владѣтелемъ имущества, приносящаго десять тысячь фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго доходу, но владѣтелемъ такимъ застѣнчивымъ, такимъ неловкимъ въ обращеніи съ людьми, что въ свѣтѣ сначала указывали на меня пальцами, а потомъ прозвали меня *простофилею*.

Недавно купилъ я прекрасное помѣстье; сосѣдей у меня множество, и боль-

шая часть изъ нихъ люди свѣтскіе, самаго лучшаго тона. Зная, какого я произхожденія и какъ великой искусникъ обращаться съ людьми, вы не повѣрите, естьли скажу вамъ, что всѣ они, особливо тѣ, которые имѣли дочерей взрослыхъ, на перехватъ старались заманить меня къ себѣ въ домъ. Каждый день приносили ко мнѣ самыя лестныя записки отъ того, другаго и третьяго, въ которыхъ приглашали меня то ужинать, то завтракать, то обѣдать. Я извинялся тѣмъ, что еще не успѣлъ осмотрѣться въ новомъ своемъ жилищѣ, а по настоящему не зналъ, съ какимъ лицемъ показаться въ домъ людей совершенно мнѣ незнакомыхъ. Не рѣдко садился въ карету, рѣшившись заплатить которому-нибудь изъ учтивыхъ сосѣдей моихъ за визитъ; но приближившись къ дому его, лишался бодрости, и уѣзжалъ назадъ, отложивъ посѣщенія до слѣдующаго дня. Наконецъ рѣшившись побѣдить нещастную мою робость, далъ слово (дни четыре тому назадъ) обѣдать у Баронета Биллингтона, ближайшаго моего сосѣда, человѣка любезнаго и весьма обходительнаго. Наши помѣстья смежны: его владѣнія приносятъ двѣ тысячи годоваго дохода. Онъ имѣетъ жену и пять человѣкъ дѣтей (три дочери и два сына, всѣ взрослые);

сверхъ того живетъ у него въ домѣ сестра его Милади Дорсетъ, умная и свѣтская женщина, которая очень долго не выѣзжала изъ Лондона. — Все это чрезвычайно меня пугало; какъ появиться въ такое общество, гдѣ тотчасъ замѣтятъ странное, гдѣ всякая неловкость должна бросаться въ глаза и показаться смѣшною? Но я за двѣ недѣли передъ тѣмъ взялъ нѣсколько уроковъ у одного искуснаго танцмейстера, который училъ *взрослыхъ*. — Сначала искусство его казалось мнѣ тарабарскою грамотою; но я, призвавши на помощь Математику, узналъ равновѣсіе тѣла моего и настоящее отношеніе законовъ тяжести къ главнымъ пяти позиціямъ; такимъ образомъ выучился я ходить не шатаясь, кланяться по правиламъ наклоненія угловъ и оборачивать глаза по законамъ перспективы. Это нѣсколько ободрило меня и я отправился въ Баронету Биллингтону. Ахъ, милостивые государи, худое дѣло *теорія*, когда она не основана на *практикѣ* — эту истинну могу доказать вамъ собственнымъ моимъ примѣромъ. Пріѣзжаю къ Баронету, выхожу на крыльцо — зазвенѣлъ колокольчикъ; на лицѣ моемъ выступилъ холодный потъ: я вообразилъ, что пріѣхалъ поздно, что Баронетъ и семейство его садились обѣдать. По ща-

стію страхъ мой былъ напрасенъ — меня ввели въ библіотеку, гдѣ я увидѣлъ Баронета, жену его, сестру и всѣхъ дѣтей имѣстъ. Собравшись съ духомъ, я сдѣлалъ свой выученный поклонъ хозяйкѣ; но, по нещастію, отступивъ лѣвою ногою назадъ, чтобы поставить ее на третью позицію, наступилъ на большой палецъ Баронету, который въ то время какъ нарочно жестоко мучился подагрою. Онъ вскрикнулъ, я отскочилъ, и ударилъ Госпожу Биллингтонъ затылкомъ въ подбородокъ такъ сильно, что она сѣла на кресла, съ которыхъ было встала, чтобы принять меня. Мучительное замѣшательство мое можетъ вообразить одинъ только тотъ, кто самъ имѣетъ застѣнчивый характеръ. Учтивость Баронета мало по малу меня успокоила. Веселость жены его, привѣтливая Милади Дорсетъ и милая разговорчивость дочерей меня оживили; я осмѣлился вмѣшать нѣсколько словъ въ общій разговоръ, и наконецъ самъ началъ заводить новыя матеріи. Библіотека составлена была изъ множества книгъ, прекрасно переплетенныхъ: это заставило меня подумать, что Баронетъ Биллингтонъ имѣлъ понятіе о нѣкоторыхъ хорошихъ изданіяхъ Греческихъ классиковъ. Баронетъ соглашался со мною во всемъ. Въ шкапѣ, между про-

чими книгами, замѣтилъ я изданіе Ксенофона, состоявшее изъ 16 томовъ — это меня удивило; я любопытенъ былъ развернуть книгу; всталъ, чтобы вынуть одинъ томъ: Баронетъ, угадавъ мое намѣреніе, всталъ вмѣстѣ со мною, вѣроятно для того, чтобы подать мнѣ Ксенофона; но я, не желая обезпокоить его, бросился впередъ, дернулъ книгу — увы! вмѣсто книги я вырвалъ доску, поддѣланную очень искусно подъ переплетъ, уронилъ ее на столъ, на которомъ стояла фарфоровая чернилица — чернилица разбилась — я ахнулъ! — Ничего, ничего, сказалъ Баронетъ — но чернила бежали ручьемъ на прекрасный Турецкій коверъ — я вынимаю платокъ, останавливаю чернила — въ эту минуту сказываютъ, что кушанье на столѣ — кладу поспѣшно платокъ въ карманъ, подаю хозяйкѣ руку и мы идемъ въ столовую — по щастью надлежало проходить пять или шесть комнатъ весьма обширныхъ, и я успѣлъ нѣсколько успокоиться. За столомъ посадили меня между Милади Биллингтонъ и старшею ея дочерью. Надобно было говорить — а лице мое, со времени паденія Ксенофона, горѣло какъ уголь. Прошло десять минутъ, кровь моя нѣсколько остыла, я начиналъ уже чувствовать, видѣть, слышать и даже гово-

рить — вдругъ новое нещастїе. Миссъ Арабеллъ, подлѣ которой я сидѣлъ, захотѣлось увидѣть мою печатку — я бросился за часами и опрокинулъ на себя тарелку съ супомъ, который былъ горячь какъ кипятокъ. Салфетка и шелковая исподница были худою для меня защитою: нѣсколько минутъ казалось мнѣ, что ноги мои горѣли на огнѣ; по щастїю я вспомнилъ, какое терпѣнїе оказалъ Баронетъ, когда я наступилъ ему на больной палецъ, рѣшился ему подражать, скрѣпилъ сердце и вынесъ съ притворнымъ спокойствїемъ ужасную боль отъ ожоги, которая была для меня сноснѣе коварнаго смѣха людей, стоявшихъ за стульями. Не буду описывать всѣхъ дурачествъ, которыя удалось мнѣ сдѣлать во время обѣда: разбитый стаканъ, перхота во время питья за здоровье Милади Дорсетъ, отъ чего я забрызгалъ виномъ лице Миссъ Арабеллы, разлитый соусъ, спаржа, которую стараясь поймать языкомъ, посадилъ я себѣ прямо въ носъ, всѣ эти подвиги ничто передъ послѣднимъ, о которомъ не могу вспомнить безъ содроганїя. Миссъ Арабелла просила меня, чтобы я подвинулъ къ ней блюдо съ полердою: въ это время держалъ я на вилкѣ кусокъ жареной тыквы; забывшись, что она ужасно горяча, кладу поспѣшно ее въ ротъ: языкъ мой

вспыхнулъ; я не имѣлъ силы сокрыть своего мученія; глаза мои выкатились наружу и налились кровью — всѣ старались помочь моему нещастію; одни совѣтовали выпить ложку масла, другіе воды: наконецъ согласились, чтобы я выпилъ рюмку вина. Офиціянтъ бросился въ буфетъ, подалъ мнѣ полную рюмку; я выпилъ ее съ жадностію . . . но какъ описать вамъ конецъ этаго жалостнаго произшествія? Конечно офиціянтъ ошибся, или можетъ быть хотѣлось ему свести меня совершенно съ ума; какъ бы то ни было, но этотъ мошенникъ вмѣсто вина подалъ мнѣ водки и самой крѣпкой — я никакимъ образомъ не могъ ее проглотить; у меня захватило горло, языкъ мой былъ весь въ волдыряхъ, я поперхнулся, водка бросилась въ носъ, брызгала изъ ноздрей, лилась по бородѣ; я хотѣлъ остановить ее, и въ торопяхъ вмѣсто салфетки вытащилъ изъ кармана тотъ бѣдственной платокъ, который такъ пострадалъ отъ паденія Ксенофона, утеръ имъ лице и вмигъ сдѣлался чернѣе арапа. Тутъ всѣ, сидѣвшіе за столомъ, и Баронетъ и Милади и дочери ихъ не могли удержаться отъ смѣха: все захохотало. Я вскочилъ со стула, побѣжалъ въ двери, бросился въ каретy и поскакалъ домой съ разпухнувшимъ языкомъ, обваренными

ногами и знакомъ Каинова отверженія на лицѣ. Какъ вы думаете, милостивые Государи, скоро ли буду опять обѣдать у Баронета Биллингтона, и удастся ли теперь которому-нибудь изъ моихъ деревенскихъ сосѣдей залучить меня къ себѣ въ домъ?

II.

Молочница и золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Трудолюбіе и порядокъ вѣрнѣйшіе источники богатства. Жюльетта начала наживать деньги продажею молока въ простомъ глиняномъ кувшинѣ, и хотя отъ ея деревни до Парижа добрые люди считали болѣе пяти верстъ, но Жюльетта не лѣнилась, и каждое утро, вмѣстѣ съ солнечнымъ восходомъ, являлась на одномъ изъ Парижскихъ рынковъ, продавала свое молоко, потомъ распѣвая веселыя пѣсенки, возвращалась съ вырученными деньгами въ деревню. Наконецъ скопила она ихъ довольно, могла даже купить осла съ двумя корзинами, и слѣдственно увеличить свою торговлю: съ молокомъ начала она привозить въ Парижъ и сыръ и зелень; число покупщиковъ прибавлялось каждый день, и

деньги летѣли къ ней невидимо отку-да — пословица говоритъ правду: трудно нажить первые сто франковъ, нежели первую тысячу франковъ. Скоро Жюльетта принуждена была промѣнять осла, которой не могъ уже подымать и переносить въ Парижъ всѣхъ ея товаровъ, на добрую, сильную лошадь — наконецъ ку-пила и повозку, что было послѣднею сте-пенью ея честолюбія — повозка, въ ко-торой могла она возить въ Парижъ мо-локо, зелень и огородныя овощи, была хо-рошимъ для нее приданымъ; и черезъ мѣ-сяцъ послѣ ея покупки Жюльетта надѣя-лась выдти за-мужъ за Баптиста, моло-даго, зажиточнаго земледѣльца, съ ко-торымъ обѣщала себѣ прожить вѣкъ свой щастливо и покойно — уже въ воображе-ніи представляла себя матерью много-люднаго семейства, и видѣла подлѣ себя старшую дочь, которая усердно помогала ей продавать и молоко и зелень и огород-ныя овощи.

Такъ располагала добродушная Жюль-етта — но судьба расположила совсѣмъ иначе. Въ одно утро по обыкновенію сво-ему пріѣхала она очень рано въ Парижъ и остановилась съ повозкою на томъ же са-момъ мѣстѣ, гдѣ прежде останавливалась съ осломъ и доброю своею лошадью, запря-

женною теперь уже въ оглобли. Привязавши ее къ столбу, вошла она въ ближній домъ, въ которомъ хотѣла сдѣлать разщетъ съ нѣкоторыми должниками. Одинъ мошенникъ вздумалъ воспользоваться ея отсутствіемъ, не для того чтобы украсть ея повозку, но чтобы съ помощію этой повозки сдѣлать воровство, довольно замысловатое. Этотъ мошенникъ былъ толстый, высокорослый мужичина, смѣлый, увертливый и безстыдный. Проводивъ глазами Жюльетту, онъ поспѣшно отвязалъ ея лошадь, сѣлъ въ повозку, проѣхалъ вдоль по улицѣ, остановился передъ крыльцомъ господина Модрю, золотыхъ дѣлъ мастера, крикнулъ раза два на лошадь, чтобы дать знать хозяину, что онъ не пѣшъ, вошелъ въ лавку и сказалъ: гдѣ господинъ Модрю, золотыхъ дѣлъ мастеръ?

„Что тебѣ надобно, добрый человѣкъ?“ спросилъ Модрю, сидѣвшій за работою въ лавкѣ.

Серебряныхъ серегъ! Жена моя, большая наряднича, смертельно хочетъ имѣть серебряныя серги, чтобы дивить ими сосѣдокъ своихъ по воскресеньямъ въ приходской нашей церкви Что будешь дѣлать съ этою прихотницею! вынимай деньги и покупай серги!

„Вотъ самыя лучшія и дешевыя;“ сказалъ Модрю, подавая ему три пары.

Хитрый мошенникъ притворился, будто не знаетъ которыя выбрать; нахмурился, потеръ нѣсколько разъ въ недоумѣніи лобъ, и наконецъ сказалъ: знаете ли, что я вамъ скажу, господинъ Модрю? Я сбѣгаю къ женѣ: она очень близко отсюда, на рынкѣ; покажу ей серги, она выберетъ тѣ, которыя ей болѣе понравятся; я возвращусь и заплачу вамъ деньги; повѣрьте мнѣ свой товаръ, право я человѣкъ честный! а въ залогъ моей честности могу оставить вамъ повозку и лошадь мою, которая привязана у крыльца. Модрю, человѣкъ очень ласковый и учтивый, не захотѣлъ опечалить добраго мужа отказомъ, отдалъ ему три пары серегъ, и оставилъ въ залогъ повозку его и лошадь. Покупщикъ уходитъ. Модрю ожидаетъ его возвращенія; но прошло болѣе получаса — его нѣтъ. Модрю очень спокоенъ, ни мало не подозрѣвая, что онъ обманутъ.

Между тѣмъ Жюльетта, разщитавшись съ должниками своими, вышла на улицу — нѣтъ ни повозки, ни лошади. Начинаетъ разспрашивать, куда онѣ дѣвались; одна торговка сказываетъ, что ей недавно попался какой-то крестья-

нимъ, ѣхавшій точно въ такой повозкѣ и на такой лошади, какихъ описывала молочница. Жюльетта побѣжала вдоль по улицѣ; и повозка и лошадь ея стояли очень спокойно у лавки господина Модрю. Она обрадовалась, подбѣжала къ своей лошадкѣ и начала развязывать поводъ; но господинъ Модрю, увидѣвъ ее, вышелъ на крыльцо и спросилъ: довольна ли она тѣми сергами, которыя выбралъ для нее мужъ? Жюльетта, не совсѣмъ пришедши еще въ себя отъ безпокойства, и будучи очень занята, не отвѣчала ему ни слова, потому что не вслушалась и продолжала отвязывать лошадь. Модрю тотчасъ замѣтилъ, что онъ обманутъ, потому что Жюльетта, которой было не болѣе осмнадцати лѣтъ, сказала ему, что она еще не за мужемъ. Въ досадѣ на оплошность свою, обошелся онъ съ нею довольно грубо, и велѣлъ отвести ее къ полицейскому приставу и съ лошадью и съ повозкою. Приставъ не зналъ, кого оправдать и кого обвинить. Справедливость требовала, чтобы Модрю не лишился своего товара; но та же справедливость не позволяла отнять у Жюльетты повозки ея и лошади, ни почему не принадлежавшихъ господину Модрю. Зрители всѣ вообще были расположены въ пользу Жюльетты, которая прогала

своимъ миловиднымъ лицемъ, своею молодостію, простодушіемъ, слезами и горестнымъ положеніемъ; народъ шумѣлъ, бранился и кричалъ, чтобъ возвратили молодой молочницѣ ея собственность; но благоразумной приставъ, не обращая вниманія на шумное требованіе черни, хотѣлъ непремѣнно разсмотрѣть тяжбу судебнымъ порядкомъ. Онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: „Краденую вещь надлежитъ отнимать у самаго вора. Переходя въ третьи руки, она становится уже собственностію законною: господинъ Модрю не есть похититель повозки и лошади, принадлежащихъ Жюльеттѣ — онъ были оставлены ему въ залогъ вещи, которая стоитъ гораздо менѣе. Отъ кого же требовать удовлетворенія? Конечно отъ самаго вора! И пока онъ не будетъ пойманъ, по тѣхъ поръ остается въ убыткѣ тотъ, который имъ обокраденъ!“ Въ слѣдствіе этаго разсужденія, приставъ рѣшилъ, чтобы повозка и лошадь были проданы, чтобы изъ вырученныхъ денегъ вычтено было то, чего стоили серьги, и чтобы остальное отдано было Жюльеттѣ.

Жюльетта огорчилась, услышавъ этотъ приговоръ, который находила жестокимъ и несправедливымъ; она заплакала;

участь ея разтрогала сердца предстоявшихъ. Модрю, который, не смотря на вспыльчивый нравъ, имѣлъ очень доброе сердце, чувствуя, что Жюльетту не льзя было обвинять въ покражѣ его вещи, спросилъ: отъ чего была она такъ сильно огорчена своею потерею?

Ахъ, милостивый государь! съ моею повозкою и лошадью теряю все свое щастїе, отвѣчала Жюльетта, и начала съ милымъ простосердечїемъ разсказывать, какимъ образомъ нажила она деньги, купила сперва осла, потомъ лошадь, потомъ повозку, потомъ начала думать о замужствѣ, и нашла себѣ жениха, молодаго Баптиста!

Ты хочешь выдти замужъ, добрая Жюльетта? сказалъ Модрю. Очень хорошо; теперь, имѣвши прекрасный случай испытать, каковъ твой будущїй мужъ и искренно ли онъ къ тебѣ привязанъ, вели объявить ему о твоемъ нещастїи — хочу увидѣть, какъ онъ поступитъ; не опасайся, мой другъ, ничего! Естьли твой Баптистъ окажется неблагодарнымъ, то я берусь за тебя отмстить, и можетъ быть ты не будешь имѣть причину почитать себя недовольною.

Жюльетта не могла угадать намѣренія господина Модрю; но она согласилась на его требованія. Послали за Батистомъ, между тѣмъ золотыхъ дѣлъ мастеръ разговаривалъ съ Жюльеттою. Хотя не умѣлъ онъ осыпать женщинъ тѣми привѣтствіями, которыя обыкновенно нравятся ихъ самолюбію; но въ обхожденіи своемъ, голосѣ, лицѣ и выраженіи имѣлъ онъ — чрезвычайно много пріятнаго. Батистъ наконецъ явился; онъ принялъ очень холодно извѣстіе о нещастіи Жюльеттиномъ, обвинялъ ее въ неосторожности, и никакъ не согласился заложить своихъ серебряныхъ часовъ, чтобы подать ей нѣкоторую помощь.

„Жюльетта! — сказалъ господинъ Модрю — женихъ твой не очень услужливъ.“

Жюльетта плакала горькими слезами. Ахъ, Царь небесный! — говорила она, утирая глаза передникомъ — я цѣлымъ свѣтомъ оставлена.

„Стыдись обижать людей, милая Жюльетта; сказалъ Модрю, взявъ ее за руку. Я знаю одного человѣка, который еще молодъ, имѣетъ хорошее состояніе, хорошій кредитъ, и вѣрно будетъ согласенъ за тебя поручиться!“

Кто жъ этотъ добрый человѣкъ?

„Я самъ, Жюльетта! охотно за тебя ручаюсь; но только съ тѣмъ, чтобы ты согласилась выдти за меня за-мужъ!“

Ахъ, милостивый государь! но вы меня не знаете!

„Очень знаю, милая!“

Но Баптистъ!

„Оставь Баптиста; онъ тебя не стоитъ; онъ любитъ одного только себя. Пойдемъ ко мнѣ въ лавку; ты будешь продавать мои товары и вести мои щеты въ то время, когда я буду работать — помни, мой милый другъ, что надобно быть осторожною; что много найдешь на свѣтѣ злыхъ людей, которые живутъ на щетъ простодушія добрыхъ.“

Баптистъ не вѣрилъ самому себѣ, когда увидѣлъ, что Жюльетта, обѣщавшая выдти за него за-мужъ, рѣшилась его оставить и отдала руку свою другому: но дѣлать было нечего; онъ самъ корыстолюбіемъ своимъ навлекъ на себя нещастіе. Модрю не хотѣлъ однако оставить и его въ печали: онъ подарилъ ему Жюльеттину повозку и лошадь. „Приноси къ намъ, сказалъ онъ, каждое утро молоко и зелень, за то всякой день будешь видаться съ Жюльеттою.

III.

О веселости.

Веселость есть самый щастливый даръ Природы; съ нею существуемъ пріятнѣйшимъ образомъ какъ для себя, такъ и для другихъ; она замѣняетъ остроуміе въ обществѣ, и самое общество въ уединеніи; она есть первая прелесть молодыхъ лѣтъ и прелесть единственная старыхъ; она то же въ отношеніи къ унылости, что радость въ отношеніи къ горю. Веселость и унылость — постоянный характеръ, а радость и горесть — временное положеніе; не рѣдко человѣкъ, самый веселый по характеру, бываетъ обремененъ несносною горестію. Никогда почти веселость не бываетъ тамъ, гдѣ нѣтъ здоровья. Скарронъ былъ забавенъ; но я не думаю, чтобы онъ могъ быть веселъ. Истинная веселость разливается по жиламъ нашимъ вмѣстѣ съ кровью и жизнію; подруги ея: свобода и невинность. Веселость наружная есть не иное что, какъ цвѣтъ искусственный, который на одну минуту обманываетъ зрѣніе. Веселость должна присутствовать за столомъ: но весьма не рѣдко стоитъ только призвать ее, чтобы удалить; вездѣ ею величаются; приглашаютъ ее на всѣ обѣды; но вмѣсто ея обыкновенно является скука. Свѣтъ полонъ

тяжелыми остроумцами и скучными забавниками, которые твердо увѣрены, что они веселы, потому что заставляютъ другихъ смѣяться. Когда бы надлежало мнѣ изобразить однимъ словомъ веселость, соединенную съ благоразумїемъ, добродѣтелїю и благороднымъ наслажденїемъ чувствъ и сердца, я написалъ бы просто: *Философія.*

Буфлеръ.

IV.

Разговоръ Моды съ Разсудкомъ.

Разсудокъ.

Позволите ли сказать вамъ одно слово, госпожа Мода?

Мода.

Одно слово, господинъ Разсудокъ? Не много ли этаго?

Разсудокъ.

Много? одного слова много? Не стыдно ли вамъ, милостивая государыня, лѣнитьсяя выслушать одно слово!

Мода.

Какой же стыдъ, господинъ Разсудокъ! думала ли я когда-нибудь съ вами разговаривать?

Разсудокъ.

Это правда, милостивая государыня; не льзя попрекнуть вамъ, чтобы вы заговаривались съ бѣднымъ Разсудкомъ; но согласитесь, что намъ не худо было бы жить подружнѣе.

Мода.

Съ ума вы сошли, государь мой! намъ подружиться? и вы и я непремѣнно погибнемъ!

Разсудокъ.

Объяснитесь! я худо васъ понимаю.

Мода.

Вы ни на часъ безъ объясненія! совѣтую вамъ вспомнить пословицу: умному полслова! Коротко да ясно: кредитъ мой пропалъ, естьли замѣтятъ, что я имѣю съ вами сношеніе.

Разсудокъ.

Осмѣливаюсь сказать, что вы даете мнѣ весьма худое понятіе о вашихъ обожателяхъ и любимцахъ.

Мода.

Я мало слыхала объ вашихъ! и много ли ихъ? право не знаю. Давно уже говорятъ, что ваши владѣнія нѣсколько запустѣли.

Разсудокъ.

И говорятъ правду — но въ этомъ надобно обвинять ваше кокетство, мило-

стивая государыня! каждый день похищаете вы у меня по нѣскольку вѣрноподданныхъ.

Мода.

Я никого не думала похищать. Мое дѣло явиться — и всѣ за мною слѣдуютъ.

Разсудокъ.

Но скажите по совѣсти, не чудно ли, что васъ предпочитаютъ мнѣ?

Мода.

Какой неучтивецъ! прямой Разсудокъ! вольно вамъ никогда не мѣняться, и быть вѣчно одинакимъ.

Разсудокъ.

Разсудокъ не долженъ мѣняться!

Мода.

Потому-то онъ и скученъ.

Разсудокъ.

Но, милостивая государыня, не думаете ли, что я совершенно всѣми оставленъ?

Мода.

Да — можетъ быть — найдется въ вашей свитѣ нѣсколько угрюмыхъ уродовъ, которые сами стыдятся той роли, которую играютъ противъ желанія. Мои обожатели всѣ на лицо — а ваши скрываются.

Разсудокъ.

Смѣйтесь, милостивая государыня — но каждый изъ обожателей моихъ бываетъ

щедро награжденъ за временное свое incognito. Мудрецъ умираетъ — и цѣлый міръ спѣшитъ на поклоненіе гробу его; потомки обожаютъ его память.

Мода.

Нечего сказать, завидное наслажденіе! Но знаете ли, милостивый государь, что это наслажденіе такъ неразлучно съ смертію, что непремѣнно должно изчезнуть, естьли вашему покойнику вздумается весьма не кстати воскреснуть.

Разсудокъ.

А кто даетъ славу заслуженную? Не вы ли?

Мода.

Положимъ, что вы; а кто блестящую?

Разсудокъ.

Передъ вами блестящая слава, я довольствуюсь истинною; мое дѣло возбуждать удивленіе къ подвигамъ великимъ, а ваше оглушать одѣми хлопушками, или слѣпить глаза близорукихъ глупцовъ шумихою. Мнѣ ли неизвѣстны тѣ клубы, въ которыхъ вы изволите предсѣдательствовать, и тѣ конторы, которыми премудро и славно управляете. Не вы ли безъ всякой мѣры, безъ всякой основательности раздаете богатство, достоинство, славу, или ругательство, стыдъ, посмѣяніе? Герои вашего рукодѣлья не иное что,

какъ призраки, созданные Армидою; по вашей милости человѣкъ, одаренный истиннымъ геніемъ, принимается за глупца, а глупый, который не умѣетъ двухъ перечесть, кажется геніемъ первой степени.

Мода.

Чтожь это за преступленіе? Любимцы мои отъ того не страждутъ, и міръ не оставется въ накладѣ: заблужденіе для него необходимо! Чѣмъ, скажите, чѣмъ бы вы заняли этихъ младенцевъ, когда бы не дозволялось привязываться только къ тому, что называется у васъ основательнымъ, благоразумнымъ?

Разсудокъ.

Я бы и не подумалъ жаловаться, когда бы заблужденія, въ которыя вы по милости своей заводите цѣлый свѣтъ, не были часто важныя и весьма важныя. . . .

Мода.

А какихъ бы вамъ хотѣлось, милостивый государь? Бездѣльныхъ, робяческихъ? Но этого и для меня и для людей было бы слишкомъ мало. Знаете ли, что нѣкотораго рода упоеніе для людей необходимо? Приличнѣйшее, или лучше сказать, самое щастливое для нихъ состояніе, господинъ Разсудокъ, есть то забвеніе самихъ себя, въ которомъ они лишаются

способности умствовать (по моему безумствовать), и непримѣтно, безъ всякаго скачка, переходятъ изъ одного заблужденія въ другое. Человѣческая жизнь показалась бы слишкомъ долгою, когда бы человѣкъ осужденъ былъ всегда одинакимъ образомъ видѣть, одинакимъ образомъ дѣйствовать, одинакимъ образомъ мыслить, и словомъ, быть нынѣче такимъ точно, какимъ былъ вчера, будетъ завтра, и будетъ вѣчно. *Катись по свѣту, но бойся опираться*, говоритъ писатель, которой мнѣ одной обязанъ тѣмъ, что его вышацили изъ паутины и пыли, и начали славить.

Разсудокъ.

Вамъ? .... Перекреститесь! вамъ обязанъ Монтанъ уваженіемъ нашего времени?

Мода.

Мнѣ, государь мой, не взыщите!

Разсудокъ.

Съ вашего позволенія, это выдумка!

Мода.

Выдумка или нѣтъ — но въ моей власти и выдумку сдѣлать истинною.

Разсудокъ.

Чего добраго! Мы давно привыкли удивляться чудесамъ вашего рукодѣлья.

Мода.

То ли еще увидите! На примѣръ: вы не повѣрите, если ли доложу вамъ съ совершенною преданностію, что вашъ первый трагикъ, *Корнель*, прозванный *великимъ*, былъ мой воспитанникъ!

Разсудокъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Имѣю честь васъ поздравить съ такимъ воспитанникомъ!

Мода.

Угодно ли выслушать мои доказательства? Корнель явился въ такое время, когда пожаръ, зажженный междоусобными войнами, или лучше сказать, мною, во Франціи, потухнувъ, еще дымился. Французскія головы почитали себя Римскими, именно потому, что были нѣсколько времени сумасбродными. Ришелье принуждалъ ихъ къ повиновенію — и все повиновалось въ слухъ, но все роптало потихоньку. Что жъ сдѣлалъ Корнель! Онъ воскресилъ Римлянъ, заставилъ ихъ говорить на сценѣ тѣмъ языкомъ, какимъ современники его говорили у себя дома или въ кругу коротkихъ пріятелей; онъ все возвысилъ, и многое сдѣлалъ гигантскимъ. Современники его вытягивали шею и подымались на цыпочки, чтобы сравниться ростомъ съ его великанами; прибавьте къ симъ тайнымъ причинамъ заблужденія

неоспоримыя причины великаго духа Корнелева, и способы, которыми онъ пріобрѣлъ славу свою, будутъ вамъ совершенно извѣстны.

Разсудокъ.

Позвольте, позвольте — а Расинъ? Вы сами должны признаться, что способы, употребленные симъ великимъ трагикомъ, совсѣмъ противны Корнелевымъ!

Мода.

Однако указаны мною. Французы, наскучивъ республиканствомъ, начали заниматься любовію. Любовь и женщины вошли въ моду — и главною страстію въ трагедіяхъ Расиновыхъ сдѣлалась какая-то любовь.

Разсудокъ.

Но онъ перемѣнилъ языкъ, когда подружился со мною! И этотъ языкъ несравненно превосходнѣе перваго; не правда ли?

Мода.

Можетъ быть; но какую пользу принесла эта перемѣна самому стихотворству? Онъ умеръ, не будучи увѣренъ, что Аталія, послѣдняя и лучшая его трагедія, переживетъ его и даже будетъ прочитана которымъ-нибудь изъ потомковъ его отъ первой сцены до послѣдней.

Разсудокъ.

Извините — я шепталъ ему на ухо, чтобы онъ ни о чемъ не безпокоился. Но я напомню вамъ еще объ одномъ человѣкѣ, который, надобно признаться, удивительнѣе всѣхъ вашихъ Корнелей и Расиновъ. Онъ нѣсколько времени блисталъ на сценѣ трагической — но способы его были совсѣмъ иные! Въ трагедіяхъ его ни политика, ни любовь не составляютъ главнаго предмета; онъ приводилъ въ дѣйствіе всѣ страсти, всѣ склонности, всѣ качества человѣческаго сердца, и всѣ великія пружины Природы; онъ даже осмѣлился быть моралистомъ.

Мода.

Вы говорите о Вольтерѣ — я знаю, и очень коротко знаю этаго человѣка.

Разсудокъ.

Шутите, милостивая государыня!

Мода.

Какія шутки — Вольтеръ частехонько приходилъ требовать моихъ совѣтовъ, и можетъ быть чаще другихъ философовъ, историковъ и стихотворцовъ.

Разсудокъ.

Поздравляю! слѣдственно госпожа Мода иногда изволила заниматься и нравоученіемъ!

Мода.

Чѣмъ же я хуже другихъ? Было такое время, когда я занималась и астрономіею, когда цѣлыя сотни Парижскихъ дамъ бѣгали за мною въ анатомическій кабинетъ смотрѣть, какъ поотрощили мертвыхъ; или въ химическую лабораторію наблюдать вонючіе законы гніенія. Сказать мимоходомъ, я непремѣнно хочу, чтобы женщины узнали всѣ тайны Природы, продолжая однако сохранять про себя собственныя.

Разсудокъ.

А я скажу, что я разсердился бы на васъ, милостивая государыня, когда бы могъ на минуту забыть, что я Разсудокъ.

Мода.

Сердитесь, сколько хотите. Но время и кончить нашъ разговоръ! повѣрьте мнѣ, что вы лишитесь всѣхъ своихъ правъ, естьли не будете имѣть уваженія къ моимъ.

Разсудокъ.

Мои права останутся навсегда драгоцѣнными для такихъ людей, которые никогда не видали васъ въ глаза. *Мильтонъ, Тассъ, Ла Фонтень* были забыты отъ современниковъ, за то никогда не умрутъ въ потомствѣ.

Мода.

А естьли бы я вступилась за этихъ господъ, то они могли бы пожить и прежде смерши.

Разсудокъ.

Признайтесь, что васъ уважаютъ только тогда, когда вы кажетесь мною. Къ тому же я старше васъ: вы еще не родились, когда я управлялъ уже цѣлымъ свѣтомъ.

Мода.

Не вѣрю.

Разсудокъ.

Но скажите сами, кто думалъ просить вашихъ совѣтовъ въ то время, когда всѣ люди жили по лѣсамъ, въ состоянiи простой натуры, питались желудями, носили вмѣсто одежды звѣриныя кожи, или и совсѣмъ не знали одежды, не брили бородъ, не стригли ногтей? . . .

Мода.

Какъ, господинъ Разсудокъ, вы хвастаетесь своими сношенiями съ этими неряхами! — тѣмъ хуже для васъ.

Разсудокъ.

Но эти неряхи сдѣлались людьми, какъ скоро меня узнали.

Мода.

А сдѣлавшись людьми, они узнали меня.

Разсудокъ.

Мною преобразовано множество народовъ.

Мода.

А мною образованы всѣ до одного.

Разсудокъ.

Я управлялъ древнею Спартою, древнимъ Римомъ.

Мода.

И былъ по милости моей выгнанъ изъ обоихъ. Я управляю Парижемъ, и вѣрно во вѣки вѣковъ не уступлю мѣста Разсудку.

Разсудокъ.

А надобно признаться, что мое присутствіе было бы не лишнимъ въ вашемъ Парижѣ!

Мода.

И! господинъ Разсудокъ! не совѣтую вамъ и показываться въ Парижъ; васъ засмѣютъ. Живите съ Англичанами, читайте газеты, пейте ромъ, говорите: God dam, и Богъ съ вами!

Разсудокъ.

Я думаю — что намъ не худо было бы сдѣлать небольшое дружеское условіе!

Мода.

Понимаю — но это весьма щекотливое дѣло! бѣда если узнаютъ, что мы помирились, что вы существуете мною, а я вами.

Разсудокъ.

Будемъ скромны — и никто не узнаетъ!

Мода.

А подозрѣнія? — слухомъ земля полна, господинъ Разсудокъ! . . . Но теперь на первой случай довольно — время дорого; вы знаете, что я существую только минутами — завтра надобно явиться мнѣ въ новомъ видѣ — а вы оставайтесь при своемъ — будетъ время — тогда посмотримъ — можетъ быть — однако не даю слова — терпѣніе, скромность — пуще всего не сказывайте ни кому, что вы со мною видѣлись; и ради Бога, не старайтесь меня увидѣть — а естьли уже это будетъ крайне нужно, то приходите по крайней мѣрѣ въ маскѣ, на примѣръ можете занять Армянское платье и колпакъ съ гремушками у Мома — но всего безопаснѣе ждать приглашенія отъ меня — я пришлю за вами — прощайте.

V.

Ужасъ!!

Я лежалъ очень спокойно въ постелѣ и думалъ о томъ, что случилось со мною вчера — вдругъ отворяются двери моей

спальни; входитъ человѣкъ очень знакомаго лица, въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлыми волосами — словомъ сказать, съ такою наружностію, которая непредвѣщала мнѣ ничего добраго. Онъ кликнулъ меня охриплымъ голосомъ по имени, и велѣлъ мнѣ какъ можно скорѣе вставать съ постели. Я повиновался, трепеща какъ преступникъ; надѣлъ на ноги туфли, набросилъ на плеча шлафрокъ и ожидалъ въ недоумѣніи, что скажетъ мнѣ ужасный незнакомецъ, котораго непремѣнно почелъ бы пришельцомъ съ того свѣта, завернутымъ въ гробовой саванъ, когда бы въ то время было двенадцать часовъ ночи, а не одиннадцать часовъ утра. Онъ приближается ко мнѣ, сажаетъ меня подлѣ окна на стулъ; и я не успѣлъ мигнуть, какъ былъ уже окутанъ въ бѣлое полотно, которымъ онъ крѣпко стянулъ мнѣ шею. Господи! прими душу мою, сказалъ я, вообразивъ, что этотъ гость разсудилъ меня удавить. Но онъ не хотѣлъ уморить меня легкою смертію; звѣрское сердце его желало подолѣе насладиться моимъ страданіемъ: онъ вынулъ изъ кармана бѣлое круглое вещество и началъ имъ съ ужасною силою тереть мнѣ щеки, носъ и губы; я жался, морщился, не смѣлъ кричать, но чувствовалъ, что онъ сдиралъ съ лица моего кожу; холодный потъ бѣжалъ по

щеками моими ручьями; въ минуту все мое лице покрылось пѣною, дыханіе остановилось въ груди моей, губы мои были сжаты и ноздри мои ужаснымъ образомъ раздувались. Мучитель, желая перемѣнить пытку, вынулъ изъ кармана орудіе, похожее на ножъ, чрезвычайно острое и блестящее — приставилъ его мнѣ къ горлу — я былъ на волосъ отъ смерти, читалъ отходную, чувствовалъ уже текущую изъ горла моего кровь — но этотъ злодѣй, наслаждившись моимъ ужасомъ, и не желая вдругъ пресѣчь своего удовольствія, спряталъ свой ножъ, обтеръ лице мое уксусомъ, отъ котораго почувствовалъ я страшную боль въ моихъ ранахъ, и остановилъ бѣгущую по лицу моему кровь. Глаза мои были уже сомкнуты; но боль, произведенная уксусомъ, принудила меня опять ихъ открыть. Смотрю — о небо! новый ужасъ! этотъ злодѣй накинулъ на меня другое полотно, въ которомъ запутались мои руки, схватилъ меня за волосы, началъ прижигать мнѣ голову раскаленнымъ желѣзомъ, ерошилъ ее такъ ужасно, что жилы мои всѣ надулись и готовы были лопнуть, потомъ вздумалось ему напустить мнѣ въ глаза пыли — наконецъ (можетъ быть и самъ онъ наскучилъ моею пыткою) схватилъ онъ огромныя ножницы, острыя какъ бритвы,

и приготовился перерѣзать ими мнѣ шею, какъ нитку; но я замахалъ рукою, и къ щастію имѣлъ довольно присутствія духа, чтобы бросить ему въ глаза нѣсколько серебряныхъ денегъ — онъ наклонился, чтобъ подобрать ихъ, а я воспользовался этою минутою, чтобы схватить лежавшій на туалетѣ моемъ ножикъ. Увидя меня вооруженнымъ, онъ испугался, побѣжалъ въ двери и скрылся. Я не имѣлъ и въ мысляхъ его преслѣдовать; душа моя едва держалась въ тѣлѣ. Пришедши нѣсколько въ себя отъ ужаса, иду къ зеркалу, чтобъ увидѣть, какъ изуродовалъ меня этотъ разбойникъ, смотрюсь въ него и вижу, что я — выбритъ, остриженъ, причесанъ и напудренъ. Тогда - только загадка для меня объяснилась; заблужденіе мое произошло отъ того, что мой знакомый цирюльникъ и парикмахеръ занемогъ, а вмѣсто его бритъ и чесалъ меня другой, котораго я никогда не видывалъ въ лице. Я засмѣялся, кликнулъ камердинера, одѣлся, и поѣхалъ въ Англійской клубъ обѣдать.

VI.

Къ К. Е. Д. Щ.

(Приглашеніе въ деревню.)

Wide flush the fields; the softening air is balm;
Echo the mountains round; the foreſt smiles;
And every ſenſe, and every heast is joy.

*

Весна въ деревню васъ съ собою вызываетъ:
Деревня храмъ весны. — Оставьте мрачность
стѣнъ,
Оставьте городской темницы скучной плѣнъ:
Громада камней сихъ Природу омрачаетъ
И воздухъ тмится здѣсь въ сгущенныхъ
облакахъ!
Здѣсь заточеніе — свобода на лугахъ!
Въ деревнѣ можно лишь вамъ прямо наслаждаться
И живо ощущать всю цѣну бытія:
И возрожденною Природой восхищаться,
И въ умиленіи хвалить Творца ея! —
Тамъ отдыхъ для души чувствительной и
нѣжной!
Тамъ миръ и щастіе гуляютъ средь полей.
Природа тамъ мила, плѣнительна, любезна,
Какъ вы теперь въ веснѣ своей.

Любимицу свою Природа приглашаетъ
На пиръ весенній свой!
Хозяйка мудрая! всещедрою рукой
Она даритъ всегда, и скудости не знаетъ.

Спѣшите къ ней теперь: она вамъ въ встрѣчу шлетъ
Зефировъ рѣзвыхъ и прохладныхъ;
Душистый фиміамъ съ цвѣточковъ ароматныхъ
Ихъ рой услужливый въ гостинецъ вамъ несетъ!
Вамъ улыбаются и рощи и долины;
Готовы дерева подъ сѣнью васъ скрывать,
Готовы пѣсни птицъ вашъ слухъ обворожать,
И холмы ближніе, и лѣсъ далеко-синій,
И воды зеркаломъ блистающи въ брегахъ,
И разноцвѣтные лучи на облакахъ,
Все вамъ утѣхи обѣщаетъ.
Элиза! дорогъ часъ — пока цвѣтокъ блистаетъ,
И радость юная смѣется средь луговъ,
И соловей поетъ въ честь Флориныхъ даровъ,
Не медлите — вы все имѣете съ собою!
Вашъ просвѣщенный умъ способенъ разумѣть
Природы дивный кругъ, какъ стройною чредою
Порядокъ перемѣнъ таинственныхъ течетъ;
Въ васъ сердце нѣжное любить ее умѣетъ;
Вашъ тонкой, вѣрной вкусъ способенъ различить,
Гдѣ больше прелести краса ея имѣетъ,
И наслажденіе умѣетъ усладить!
Въ часъ алыя зари, какъ утренній пѣвецъ,
Взвиваясь къ небесамъ, раскатитъ голосъ звонкій,
И поле огласитъ; когда свѣтилъ отецъ,

Поднявшись надъ холмомъ, туманъ разсѣетъ тонкій,
И проберется свѣтъ по зелени листовъ;
Обширной лугъ въ росѣ, какъ въ искрахъ заблистаетъ,
И стадо пестрое ночной оставитъ кровъ:
Тогда хвалебный часъ Создателю настанетъ;
Тогда работы общей часъ —
Тутъ силы тѣла укрѣпленны,
И умъ для дѣйствія и жизни обновленный,
Способнѣй для трудовъ — тогда я вижу васъ
Во цвѣтѣ здравія и юности румяной
И съ кроткой радостью въ сіяющихъ глазахъ;
Спѣшите вы иль въ садъ пріятной,
Или сбирать цвѣты на шелковыхъ лугахъ;
Вездѣ спокойствіе невинности, свободы,
И размышленіе сопровождаютъ васъ.
Великіе пѣвцы Природы
Займутъ прогулки вашей часъ:
Томсонъ, Делиль, и Клейстъ, и Геснеръ несравненный
Бесѣдой усладятъ вашъ путь уединенный,
И душу приведутъ поэзіи въ восторгъ! —
О даръ поэзіи! ахъ естьлибъ злобный рокъ,
Назначившій меня — быть можетъ — здѣсь терзаться,
Обрекшій — можетъ быть — мнѣ горести въ удѣлъ,
Къ усугубленію свирѣпости желалъ
Любить поэзію, Природу отказаться,

И сердце замираетъ для тѣхъ небесныхъ
чувствъ,
Которыя онѣ въ страдальца проливаютъ;
Яковъ съ завистью смотрѣлъ, какъ люди умираютъ,
И міръ бы для меня ужасенъ былъ и пустъ!
Такъ насладившися прогулкой и досугомъ,
Вы возвращаетеся домой къ своимъ трудамъ;
Работа съ отдыхомъ, смѣняемы другъ другомъ,
Для наслажденія раздѣляютъ время вамъ.
Когда же солнца свѣтъ угаснетъ за лѣсами
И вечеръ въ тишинѣ съ росой въ луга сойдетъ,
Простретъ молчаніе свой скипетръ надъ холмами,
И въ берегахъ ручей заснетъ;
Вы съ Музой за клавиръ. Подъ легкими перстами
Прелестныхъ звуковъ строй
Польется чрезъ окно отверстое струёй,
Достигнетъ ближней рощи,
Обворожитъ обитель нощи,
И вамъ соперника разбудитъ соловья!...
Быть можетъ, иногда вечернею порою,
Когда сквозь завѣсу угрюмыхъ, черныхъ тучь
Луна прольетъ свой тусклый лучь,
Едва мелькающій надъ темною рѣкою,
И блѣдно освѣщать васъ будетъ подъ окномъ:
Мечты пріятныя слетятся къ вамъ толпою;
Сей, въ розовыхъ вѣнкахъ, игривый, милый
сонмъ,

Волшебной силою фантазію возбудитъ,
И все вокругъ озолотитъ;
Тогда душа сей свѣтъ юдольный позабудетъ,
Въ обитель лучшую мгновенно прелетитъ,
И щастье новое себѣ тамъ сотворитъ!
Когда же дикій вой совы, въ дуплѣ стенящей,
Придетъ по вѣтерку въ вашъ слухъ,
Средь общей тишины, глубоко вкругъ молчащей,
Иль громъ разящій все, и дождь шумящій вкругъ,
Борясь на мрачномъ неба сводѣ,
Осиротятъ Природу вдругъ! . . .
Тогда прелестный міръ фантазіи пріятной,
Какъ быстрая мечта минетъ;
Кисть меланхолін унылой, но отрадной,
На всѣ предметы тѣнь печальну наведетъ!
Сіе забвеніе души, собою полной,
Для сердца нѣжнаго есть даръ благихъ Небесъ!
Ты дорогъ, сладкой часъ задумчивости томной!
Ахъ! кто не плакалъ здѣсь
Объ горестяхъ своихъ, не сострадалъ другому? . . .
Кто можетъ чувствовать Природы красоты,
И сердце посвятилъ любви къ добру святому,
И духомъ выше сталъ презрѣнной суеты,
Тотъ щастливъ, тотъ мудрецъ на свѣтѣ!
Вы знаете, какъ здѣсь непроченъ ясный Май,

Какъ юность насъ бѣжитъ, какъ роза вя-
нетъ въ цвѣтѣ
И изчезаетъ вмигъ очарованій рай!
Превратность есть уставъ Природы неза-
мѣнный!
Всему, всему свой чреда! . . .
Но вамъ ли въ мірѣ семъ боятися сей перемѣны:
Прекрасная душа прекрасна завсегда!

1807 года. *Буринскій.*
въ Маѣ.

VII.

Письмо изъ Іерусалима къ Патріарху Іерусалимскому.

Съ какою чрезмѣрною печалію, пораженною духъ нашъ, съ какими изъ глубины сердца вырывающимися воздыханіями, и съ какимъ пролитіемъ горькихъ слезъ, смѣшанныхъ при всемъ томъ съ воплями благодаренія ко Господу Богу, мы намѣрены мысленно предстать чрезъ сіе, всего сословія нашего писаніе, предъ Святѣйшество Ваше, не радостную вамъ вѣсть сообщая вамъ, но ужаснѣйшее плачевное зрѣлище безутѣшнаго нещастія, насъ постигшаго, и именно пожара, попущеніемъ Божіимъ за грѣхи наши, всю Святую Гроба Господня обитель въ не-

пелъ обращившаго, описывая. Но какой другой безутѣшно-сѣтующій Іеремія можетъ довольно изъяснить и достойно оплакать сіе нещастное произшествіе! Оно случилось въ послѣднихъ числахъ минувшаго Сентября, въ заутренню, въ четвертомъ часу по полуночи, въ среду, въ день, въ который празднуется память Священномученика Григорія Великой Арменіи; день, назначенный быть для насъ днемъ великаго плача и безутѣшной горести, попущеніемъ праведныхъ, неиспытанныхъ судебъ Божіихъ. Вотъ подробности сего произшествія: — Армяне, за двѣ недѣли передъ тѣмъ, выслали изъ монастыря своего двухъ безпорядочныхъ братій въ обитель Святаго Христова Воскресенія; сіи бездѣльники, въ ночи помянутаго числа, напившись пьяные, и будто бы желая отмстить начальникамъ, сославшимъ ихъ, силою демона подстрѣкаемые, положили на трапезу церкви, въ которой они служили, зажигательную трубку, разными горючими веществами заряженную, противъ самыхъ окошекъ олтаря церкви нашей во имя Царя Константина, и зажгли оную, дабы сжечь одну лишь только церковь свою; а другіе утверждаютъ, что они съ вѣдома начальниковъ своихъ, нарочно зажгли эту церковь, дабы, давъ сгорѣть нѣкото-

рой части ея, выстроишь потомъ лучшую и обширнѣйшую, и что у нихъ давно уже было въ мысляхъ и матеріалъ былъ на то заготовленъ. Но пламя слишкомъ распространилось; не смотря на всѣ усилія, потушить онаго не могли; ударили въ желѣзное клепало въ набатъ. Мы только что начали пѣть въ церкви Святаго Константина канонъ; услышавъ превосу, и не понимая что бы это значило, выбѣжали изъ церкви, и увидѣли пламя, изъ окошекъ выходящее, и все, что было деревянное, обхватившее. Опасаясь, чтобъ не занялся большой, свинцемъ покрытой, куполъ (что надъ гробомъ Господнимъ), побѣжали мы, вся братія, старой и малой, сколько насъ тутъ на ту пору случилось, на мѣсто пожара; держа въ рукахъ разные съ водою сосуды, старались изъ верхнихъ церковныхъ окошекъ, что пропитъ колокольни, залить огонь; но всѣ наши усилія были тщетны: ибо разстояніе было такъ велико, что вода не могла достать туда, гдѣ горѣло. Позваны были тотчасъ на помощь приращники; но они не прежде, какъ часъ спустя, пришли и отперли святыя ворота, когда все уже, что Армянамъ принадлежало, занялось. Потомъ, увы! о Боже! занялся и большой куполъ, которой всепожирающее пламя въ одинъ часъ со-

жгло и въ пепелъ обратило. Пламя такъ было велико, что весь Іерусалимъ съ окружностями освѣтило. Въ то же время сгорѣли и мѣста, Римскими и Коптическими называемыя, Армянамъ нынѣ принадлежащія; свинецъ весь, какъ на большомъ куполѣ бывшій, такъ и на маломъ, что надъ гробомъ Господнимъ (ибо и меньшой такъ же сгорѣлъ) и все, что было подвержено огню, учинилось жертвою онаго. Колонныжъ вокругъ гроба Господня стоявшія, большія и малыя, всѣ растрѣскались, сгорѣли и въ прахъ превращены; не пощажены также были и святыя ворота, и келія ризничаго, и всѣ надъ ней находившіяся деревянныя келіи; равно и на Святой Голгофѣ, и въ алтарѣ бывшее: ризница, большой иконостасъ большой церкви, иконостасы придѣловъ, святая трапеза, жертвенникъ, горнее мѣсто въ алтарѣ, и оба мѣста Патріаршее и Архіерейское; колонны вокругъ алтаря всѣ растрескались, и купола каменной сѣни, ихъ пріосѣнявшей, обрушился; кровля церкви, надъ Армянскою построенной, всѣ ризы, сосуды, мощи и иконы, лампады и свѣщники растопились и въ прахъ превращены. Толь ужасной пожаръ, люпостію своею превосходившій даже пламень пещи Халдейской, обратилъ въ пепелъ всю святую обитель, кромѣ одной Святыя пещеры гроба Господня,

моея дверей ошнюдь пламя не коснулось. Безстыдной же толмачь изъ Армянъ самъ проговорился, сказавъ: мы не чаяли, чтобъ это могло имѣть такія слѣдствія. По окончаніи пожару, какъ православные Христіане, такъ и Франки и Армяне занимались свозкою камней и земли, каждой изъ своего мѣста, которое было нужнѣе: что и продолжалось до субботы 3го числа Октября, въ которой день поутру явился надъ гробомъ Господнимъ съ неба низшедшій свѣтъ, въ видѣ жемчужинъ, всѣми въ пещеру гроба Господня тогда входившими примѣченный. Мы не можемъ подробно описать плачеваго зрѣлища сего, ни довольно изъяснить разоренія и невозвратной потери, пожаромъ причиненной, и для того посылаемъ къ Вашему Святѣйшеству двухъ изъ братіи нашей, отца Намѣстника Іоакима и монаха Гавріила, которые изустно повѣдаютъ Вашему Святѣйшеству несчастное происшествіе сіе и горестное положеніе наше. Мы ожидаемъ съ нетерпѣливостію отъ Вашего Святѣйшества для пораженныхъ ужасомъ и скорбію опечаленныхъ душъ нашихъ утѣшительной, наставительной и спасительной Патріаршей грамоты. Съ сею надеждою на помощь Всевышняго, нашими отеческими святѣйшими молитвами и благословеніемъ, съ

глубочайшимъ высокопочитанїемъ и преданностїю пребываемъ

Вашего Святѣйшества

сыны о Христѣ и всепокорнѣйшїе слуги

Епископы
Патрїйскій и вашъ Викарный, Миссилъ.
Лидїйскій, Мелетій.
Неапольскій, Калиникъ.
Ѳаворскій, Анѳимъ.
Архимандритъ Герасимъ
и вся прочая братія.

(*Съ Греческаго.*)

VIII.

Молитвы бѣдныхъ.

(*Письмо къ Издателю*)

Къ удовольствїю читателей вашего Вѣстника и всѣхъ людей благомыслящихъ, спѣшу доставить вамъ М. Г. извѣстїе о новомъ благодѣтельномъ заведенїи въ пользу страждущаго человѣчества. — Ѣхавши съ Лебедянской ярмарки, съ обществомъ моихъ знакомыхъ, черезъ городъ Задонскъ, извѣстный по своимъ живописнымъ окрестностямъ и обильной ловлѣ рыбъ, — прекрасное строенїе со кре-

ѣшнимъ и блестящимъ куполомъ, отдѣлан-
ное въ новѣйшемъ вкусѣ и напомнившее
намъ своею фасадою огромную Голицын-
скую больницу, обратило на себя все на-
ше вниманіе. Оно возвышается при са-
момъ въѣздѣ въ городъ, посреди разсѣян-
ныхъ слободскихъ хижинъ. Величествен-
ное теченіе Дона, его отлогой берегъ, цѣ-
пущій лѣсъ и синѣющіяся горы, испещрен-
ныя лугами и кустарникомъ; а всего бо-
лѣе, рѣдкая, разительная противуполож-
ность между милою простотою крестьян-
скихъ домиковъ и всею пышностію новѣй-
шей архитектуры — все это удивитель-
нымъ образомъ очаровало наши взоры. Съ
перваго взгляда съ нѣкоторымъ сладост-
нымъ предчувствіемъ я заключилъ, что сіе
зданіе должно быть пристанищемъ бѣд-
ныхъ и страждущихъ, и сіе предчувствіе,
смѣшанное съ тайною радостію, украси-
ло его еще болѣе въ глазахъ моихъ. Я не
обманулся; намъ сказываютъ, что это
больница. Съ нетерпѣніемъ входимъ во
внутренность церкви — она еще не освя-
щена — но сіе не мѣшало стеченію чер-
ни и пріѣжавшимъ въ городъ богомольцамъ,
которыхъ по всякое время здѣсь очень
много, съ благоговѣніемъ разсматривать
привлекательный куполъ и отмѣнно ис-
кусную живопись. Съ какимъ сердечнымъ

умиленіемъ вспрѣнили мы на иконостасѣ изображеніе Лазаря: бѣдное рубище, видъ убожества и изнеможенія, слезные взоры, обращенные къ небу въ ту самую минуту, когда они, кажется, не находятъ на землѣ болѣе помощи и отрады: — оно проникнуло до глубины моего сердца. Церковь совсѣмъ не огромна; но вкусъ и искусство въ убранствѣ, котораго такъ мало и которое доведено до совершенства, плѣняютъ несказанно. — Алтарь простъ; но Спаситель, написанный передъ нимъ съ сосудомъ, изображенъ такъ живо, что, кажется, произноситъ: *блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ:* смыслъ изреченія и чрезвычайно выразительный ликъ, сквозь который сіяютъ всѣ небесныя добродѣтели ... неизъяснимый, благоговѣйный восторгъ! — Старые инвалиды, которые здѣсь содержатся, и многіе изъ больныхъ, почувствовавшихъ облегченіе, приходили въ церковь и молились передъ иконостасомъ ... Какова должны быть сіи молитвы? Въ эту минуту и я внутренно молился вмѣстѣ съ ними. Съ какимъ чувствомъ разсказывали они намъ о чудесномъ дѣйствіи лѣкарствъ, о попечительности врача, о благодѣтельномъ сооружителѣ больницы! ... Въ половинѣ будущаго Іюня ожидаютъ сюда большаго съѣзда

на освященіе. — Осматривъ церковь, надзиратель и городовой лѣкарь, которому поручено смотрѣніе надъ больницею, человѣкъ почтенный сколько по своему искусству, столько по кроткому, любезному обхожденію съ больными, повели насъ въ аптеку: — она не великолѣпна, но чистота и порядокъ украшаютъ ее болѣе всякаго великолѣпія; идемъ далѣе — здѣсь сострадательный трепетъ обнимаетъ всю мою душу — оживающая радость матери, которая долгое время страдала близъ больнаго своего сына, обновленіе силъ его, плодъ неусыпныхъ ея попеченій, вмѣстѣ съ слабою краскою выступали на лицѣ юноши; вездѣ находили мы — если не облегченное, то по крайней мѣрѣ — успокоенное страданіе, прибѣжище въ послѣднія минуты жизни, которыя такъ живы, такъ трогательны ... вездѣ опрятство, чистоту и свѣжесть. — Слава АЛЕКСАНДРУ! ни въ какое время не было въ Россіи столько благотворительныхъ и общеполезныхъ заведеній. — Больницу строилъ и содержитъ своимъ иждивеніемъ здѣшній предводитель Дворянства, Г. В...; я не знаю его хорошо, но съ этого времени буду дорожить его знакомствомъ.

Вотъ истинно благородное употребленіе излишества, которымъ такъ славе

одѣляетъ Фортуна, и которое, за нѣсколько дней — я самъ къ нещастїю былъ тому свидѣтель — разсыпалось золотыми кучами за драгоцѣнныя шали Персидскїя, за Англїйскїя лошади, за бриллїянтовыя бездѣлки. — Перемѣнивъ лошадей, мы отправились далѣе, оставивъ навсегда въ сердцѣ своемъ прїятное воспоминанїе о Задонскѣ. —

Вашъ и проч.

Мая 15 дня,
1809.

И. Мливъ.

ПОЛИТИКА.

IX.

О войнѣ между Англіею и Франціею.

Славный Англійскій Историкъ, *Вильямъ Роскоe*, недавно издалъ сочиненіе свое о нынѣшней войнѣ между Англіею и Франціею. Здѣсь предлагается оно читателямъ Вѣстника въ отрывкахъ, которые однако связаны между собою, и представляютъ нѣчто цѣлое. Не сомнѣваемся, что многіе пожелаютъ знать мысли отличнаго писателя о столь важномъ предметѣ, въ которомъ всѣ жители Европы, одни по волѣ, другіе по неволѣ, берутъ великое участіе.

По заключеніи мирнаго договора въ Амьенѣ, связи между Англіею и твердою землею были довольно обширны и выгодны для нашей торговли; но война, давъ случай непріятелю запереть пристани въ Европѣ, всѣ наши мануфактуры привела въ совершенное усыпленіе. Война тому причиною, что мы не только лишились нашихъ союзниковъ, но еще всѣ они при-

спали къ сторонѣ непріятеля. Чѣмъ далѣе продолжали мы войну противу Франціи, тѣмъ счастливѣе становилась сія держава. И такъ чего надѣяться можемъ, ежели дѣла еще долѣе оставаться будутъ въ такомъ положеніи? развѣ хотимъ, чтобы Франція возвеслась еще на высшую степень благосостоянія?

Къ какимъ причинамъ ни относили бы начало прежней войны; какіе ни выдумывали бы предлоги, чтобы представить нынѣшнюю войну въ видѣ благопріятномъ: неоспоримо, что всѣ побудительныя причины, разсказанныя одна за другою, отнюдь не соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Для возстановленія ли прочнаго порядка въ Европѣ война была предпринята? Нельзя не видѣть, что цѣль сія недостигнута; между тѣмъ война разорила всѣхъ тѣхъ, кои въ ней полагали свою надежду. Не для того ли предпринята война, чтобы держать въ уздѣ тѣхъ, которые восхищались будущимъ, представляя себѣ счастливое окончаніе Французской революціи? Предположеніе сіе увѣнчано совершеннымъ успѣхомъ, и друзья вольности радостныя пѣсни свои перемѣнили въ вопли плача! Не было ли цѣлію войны возстановленіе Бурбоновъ? Сіе требованіе всегда казалось не-

удобоисполнительнымъ, какъ что и объявлять его громко неемѣли; а теперь оно было бы совершенно нелѣпымъ, и никого бы необольстило, ниже самыхъ легковѣрныхъ. Когда сіи причины прекратились, то предложили намъ вмѣсто ихъ другія, и мы продолжали уже войну подъ предлогомъ, будто правительство, съ которымъ надлежало начать намъ условія, неспособно было сохранить обыкновенныя основанія мира и дружбы: какъ будто правительство, которое умѣло распоряжать силами Франціи для ея же пользы, не могло бы удержать ее въ покоѣ! Но согласимся на часъ, что сіе возраженіе было въ свое время основательнымъ; однакожъ теперь оно никуда негодится, и правительство, противъ котораго нынѣ воюемъ, столь же способно сохранить миръ и дружбу, какъ и всякое другое. Нелѣпость предлога сего столь очевидна, что объ немъ не долго и говорили. Скоро потомъ объявлено, что надобно продолжать войну дотолѣ, пока не получимъ вознагражденія за прошедшее, и неувѣримся, что на будущее время мы обезпечены. Вознагражденія за прошедшее! непріятель не въ силахъ намъ его доставить. Кто вознаградитъ насъ за разбросанные милліоны, за пролитую кровь? Увѣренность въ безопасности должна быть въ виду во всякое время; не есть ли слѣдъ

думать, что мы продолжая войну скорѣе получимъ желаемое, нежели когда бы миръ заключили? Увидимъ, что справедливо. Каковы ни были бы выше показанныя причины, однакожь ихъ важными не почитали, и онѣ невоспрепятствовали начать переговоры, окончившіеся миромъ Амьенскимъ. Сіи причины взаимной вражды уничтожены трактатомъ; со времени заключенія трактата онѣ несуществуютъ. Еслибъ мы должны были обвинить Европу, для чего нынѣ воюемъ; то надлежало бы искать причинъ въ тѣхъ происшествіяхъ, которыя случились уже послѣ Амьенскаго договора.

Всякой помнитъ, какъ всѣ мы обрадовались заключенію мира, хотя цѣль, для которой вели войну, отнюдь не была достигнута. Мы знатно увеличили государственные долги свои, пожертвовали немалымъ числомъ нашихъ согражданъ, оставили Европу не въ такомъ выгодномъ состояніи, въ какомъ нашли ее; однакожь мы утѣшали себя пріобрѣтеніемъ Цейлона и Тринидада, между тѣмъ какъ Франція увеличилась немалымъ пространствомъ земли и почти пятью милліонами жителей. Миръ нуженъ былъ для нашего отечества, и Англійскій народъ, утомленный военными бѣдствіями, единодушно одобрилъ умѣренное поведеніе министровъ.

Тотъ самой миръ, о которомъ истинные друзья отечества имѣли весьма основательныя причины радоваться, тотъ миръ навелъ скуку на людей, кои благомъ отечества жертвующъ для корыстолюбивыхъ своихъ намѣреній. Къ числу недовольныхъ принадлежали во первыхъ единомышленники прежней Французской Монархіи. Перебравшись на островъ, на которомъ нашли для себя убѣжище, они старались возбудить негодованіе противъ Французскаго народа и правительства. Намѣреніе ихъ было не закрыто; непринимая никакого участія въ опасностяхъ войны, они невидѣли надобности и желать, чтобы она окончилась: напротивъ того для нихъ было прискорбно мыслить, что миръ уничтожитъ всю надежду возстановить любимую ихъ систему и удовлетворить духъ мщенія. Другая еще большая партія защитниковъ войны состояла изъ безчисленной толпы журналистовъ и наемныхъ писателей, изъ людей, которые живутъ на счетъ легковѣрія общества и ущучняются отъ несчастія народнаго, которые благоденствуютъ среди безпокойствія, для которыхъ новая война и сопряженныя съ нею бѣдствія прибыточны на мѣстѣ богатой жатвы. Къ защитникамъ войны должно еще причислить сборище людей другаго рода; война подавала имъ

способы къ пропитанію и къ обогащенію себя, какъ посредствомъ должностей и жалованья, которыя доставать имъ удавалось, такъ и чрезъ разныя дѣла, которыя препоручаемы имъ были отъ правительства. Всѣ враги сіи общественнаго спокойствія сдѣлали заговоръ между собою. Громкой ропотъ ихъ почли за вопль общественнаго мнѣнія. Немедленно послѣ подписанія предварительныхъ статей оказались сѣмена несогласія. Произведены были въ дѣйствіе всѣ способы къ возбужденію страстей, не задолго передъ тѣмъ усыпленныхъ. Тѣхъ самыхъ министровъ, которые подписали договоръ, явно склонили *разсѣчь* Гордіевъ узелъ; разсѣчь, говорю, ибо они нарушили трактатъ, котораго немогли опровергнуть. Англійскія книгопечатни повсюду разпространили поносительныя сочиненія противъ Французскаго правительства, и война скоро потомъ опять возгорѣлась.

При началѣ разбирательствъ между сими правительствами легко можно было замѣтить, что ни то ни другое не имѣли важныхъ причинъ къ разрыву. Опираясь нѣкоторыя затрудненія въ разсужденіи того, что Англичане должны были оставить Египетъ и Мальту, а Французы выдти изъ Голландіи; но согласились

ся въ томъ было бы легко; и примиреніе казалось уже весьма близкимъ — какъ вдругъ объявленная господиномъ Отто жалоба отъ Французскаго правительства совершенно перемѣнила ходъ переговоровъ. Сія жалоба состояла въ досадѣ не на какое-нибудь новое притязаніе со стороны Англіи, или на вѣроломное нарушеніе Амьенскаго договора; но на поведеніе Французскихъ выходцовъ, на оскорбительныя сочиненія противъ Французскаго правительства, ежедневно выпускаемыя изъ Англійскихъ книгопечатень, а особливо на одно мѣсто изъ Пеллетьерова Журнала.

Лордъ Гакесбури отвѣчалъ господину Отто, что министры Е. В-а безъ величайшаго негодованія читать не могли статьи, на которую приносится жалоба, и что объ ней будетъ дано знать Королевскому Адвокату.

Дѣло оставалось въ такомъ состояніи до 17 Августа 1802 года. Французскій министръ изъяснилъ впоследствіи жалобу свою въ поданной запискѣ по формѣ; онъ предоставилъ, что рѣчь идетъ не объ одной только статьѣ неосторожно помѣщенной въ Журналѣ, но о системѣ, умышленно принятой и постоянно исполняемой, поносить не только Главу

Французскаго правительства, не тѣхъ государственныхъ чиновниковъ, весь народъ, которой оскорбляется несносными и унизительными словами, находящимися въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ; далѣе — что въ нѣкоторыхъ публичныхъ листкахъ помѣщено даже воззваніе къ Французскому народу на счетъ правительства его и коренныхъ законовъ Франціи. Онъ прибавилъ еще, что первое статьею Амьенскаго договора обѣ державы постановили непріятелей той или другой непринимать подъ свою защиту ни посредственно, ни непосредственно; напомнилъ министру, что какъ законы Англійскіе ни покровительствовали бы издателей листковъ публичныхъ, однакожъ по содержанію акта объ иностранцахъ министры могутъ выслать изъ Англіи тѣхъ людей, присутствіе ихъ для нее вредно.

Лордъ Гавесбури въ отвѣтѣ своемъ признался, что въ нѣкоторыхъ Англійскихъ вѣдомостяхъ были напечатаны статьи о правительствѣ Французскомъ, и что появлялись весьма неблагопристойныя на счетъ его тетрадки. Однакожъ, прибавилъ онъ, какъ Французское правительство заблаговассудило воздать тою же монетою, или по крайней мѣрѣ дозволило употребить одинакія мѣры; но уже не

надлежитъ жаловаться, что Е. В. сдѣлан-
ныя представленія оставляетъ безъ по-
слѣдствій. Въ разсужденіи же лицъ объ
иностранцахъ Лордъ Гакесбури отвѣчалъ,
что постановленіе о высылкѣ ихъ за гра-
ницу касается только до тѣхъ, которые
по многолюдству и по образу мыслей бы-
ли бы опасны для спокойствія внутри Коро-
левства; лица же, о которыхъ идетъ рѣчь,
находятся совершенно въ другихъ обстоя-
тельствахъ, и на нихъ можно искать су-
дебнымъ порядкомъ, какъ то уже со мно-
гими случалось по жалобамъ отъ чуже-
странныхъ правительствъ.

Нѣтъ надобности теперь распростра-
няться о томъ, справедливы ли были умо-
зрѣнія Англійскаго министра и согла-
сны ли съ политикою; изъ нихъ одна-
коже видно, что новая между обоими
правительствами вражда возникла отъ
изданія ругательныхъ тетрадокъ, кои по
признанію самихъ министровъ были весь-
ма неблагопристойны, и прочихъ кото-
рыхъ Французскія сочиненія не иначе мо-
жно почитать, какъ только оправданіемъ.
Послѣ того были продолжаемы разби-
рательства Французскимъ Министромъ
и Англійскимъ Посломъ въ Парижѣ; од-
накожъ ничего удовлетворительнаго не
послѣдовало. Напротивъ, Лордъ Вин-

вернѣ написалъ къ министру Тайлеранду весьма ясно, что пока Первый Консулъ непересшанетъ досадовать на грубость Англійскихъ писателей, и пока не привыкнетъ на сочиненія ихъ смотрѣть съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ Англійское правительство смотритъ на Французскія, до тѣхъ поръ неудовольствія не прекратятся.

Министръ Тайлеранъ ничего не отвѣчалъ на сіе замѣчаніе; вмѣсто же того предложилъ онъ вопросъ, какія намѣренія имѣетъ Его Бришанское Величество въ разсужденіи острова Мальты? Надобно знать, что уже болѣе шести мѣсяцовъ ни слова говорено не было объ Мальтѣ. Посолъ увѣдомилъ Англійское министерство о предложенномъ вопросѣ. Изъ отвѣта Лорда Гакесбури открывается новое важное доказательство, какого была мнѣнія и сама Англія объ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Вычисливши пріобрѣтенія, полученныя Франціею со времени подписанія спашей предварительныхъ, упомянувши, что по духу Аміенскаго шрактата Его Бришанское Величество имѣетъ право на равное возпагражденіе, Лордъ объявилъ, что Король намѣренъ предложить свои требованія, и что договоръ во всей силѣ былъ бы уже исполненъ, еслибъ справедливое

Донесеніе Полковника Себастіани о Египтѣ не обратило на себя вниманія Его министровъ; что въ семъ донесеніи содержатся весьма оскорбительныя мысли и обвиненія на счетъ Англійскаго въ Египтѣ находящагося войска и начальствующихъ надъ нимъ чиновниковъ — обвиненія совершенно неосновательныя, и которыя могутъ побудить Е. В. требовать удовлетворенія, какое независимыя державы одна другой давать обязаны; что сіе донесеніе уполномоченнаго Французскаго чиновника заключаетъ въ себѣ предположенія весьма противныя государственнымъ выгодамъ Англіи и несовмѣстны ни съ духомъ, ни съ содержаніемъ мирнаго договора.

Бумага сія тотчасъ подала поводъ къ нарочному свиданію и къ чрезвычайному разговору между Первымъ Консуломъ и Лордомъ Виллворѳомъ.

Свиданіе сіе Перваго Консула съ Лордомъ Виллворѳомъ долго еще будетъ воспоминаемо, какъ случай рѣдкой въ Дипломатикѣ.

Первый Консулъ изъявилъ чувствительное свое сожалѣніе, что Амьенскій миръ, вмѣсто того чтобы возстановить согласіе и дружбу между обоими пра-

тельствами, влечетъ за собою досаду и съ часу на часъ возрастающую недовѣрчивость, изчислилъ всѣ вызовы на вражду со стороны Англіи. Сперва упомянулъ онъ о томъ, что не выведутъ войска ни изъ Мальты, ни изъ Египта; объявилъ, что онъ никогда и ни для чего не согласится оставить оныя мѣста подъ господствомъ Англіи, и что лучше желаетъ увидѣть Парижское Св. Антонія предмѣстіе во власти Англичанъ, нежели Мальту. Потомъ дошла рѣчь до обидныхъ на счетъ его статей, помѣщенныхъ въ разныхъ Англійскихъ Журналахъ; а особливо жаловался онъ на ругательныя противъ его сочиненія, Французскими выходцами издаваемыя въ Лондонѣ. Онъ прибавилъ къ тому, что огорченіе противъ Англіи со дня на день будетъ въ немъ увеличиваться; ибо каждое дуновеніе вѣтра съ острова сего приноситъ съ собою одну только ненависть и злобу.

Франція, продолжалъ онъ, имѣетъ 480,000 человѣкъ, готовыхъ на всѣ опаснѣйшія и самыя отчаянныя предпріятія. У Англіи есть флоты, которые доставляютъ ей возможность господствовать на моряхъ и противъ которыхъ онъ и въ десять лѣтъ не надѣется снарядить равную силу. Двѣ столь сильныя державы

живучи въ согласіи, могли бы управлять цѣлымъ свѣтомъ; напротивъ того разномысліе для нихъ весьма вредно. Ежелибъ со времени заключенія Амьенскаго мира Англія необнаруживала передъ нимъ непріятельскихъ своихъ замысловъ; то онъ конечно употребилъ бы всѣ силы свои показать ей, сколь велико желаніе его жить съ нею въ согласіи; ибо онъ далъ бы ей случай получить вознагражденіе въ Германіи и съ пользою для себя участвовать въ дѣлахъ Европы; далѣе — онъ соединился бы съ Англіею торговымъ договоромъ и всѣмъ, что только могло бы служить доказательствомъ его дружбы; но вражда Англійскаго правительства была неукротима, и дѣла находились въ такомъ состояніи, что оставалось еще рѣшить, должно ли начинать войну, или не нарушать мира. Для сохраненія мира надлежало во всей точности исполнить договоръ Амьенскій, ежели не совсѣмъ запретить, то покрайней мѣрѣ сколь возможно ограничить изданіе поносительныхъ сочиненій, и явныхъ Перваго Консула враговъ, на примѣръ Жоржа и другихъ, выслать изъ Англіи. Если же Англійское правительство желаетъ войны; то пускай только объявитъ о томъ, и пускай медлитъ выполнить статьи Амьенскаго договора.

Лордъ Гавесбури отвѣчалъ, что послѣ столь продолжительной, столь жестокой войны, каковой нѣтъ примѣра въ Исторіи, весьма естественно видѣть нѣкоторыя безпокойныя движенія; но что они, подобно волнамъ послѣ бури, мало по малу укротятся, если только политика не будетъ продолжать ихъ колебанія; что не утверждая, кто подалъ поводъ къ началу настоящей распри, онъ дозволитъ себѣ напомнить, что въ Англіи поводъ не зависѣлъ отъ правительства, какъ во Франціи.

Изъ всего выше сказаннаго открывается, что главною причиною возобновленія войны были издаваемыя въ Англіи ругательныя сочиненія; не смотря на то, Первый Консулъ, изъ любви къ миру, согласился-было терпѣть умѣренныя оскорбленія, лишь бы онѣ писаны были на Англійскомъ языкѣ. Если бъ Англійское правительство въ самомъ дѣлѣ желало мира; то почему бы несогласиться на столь справедливое требованіе? Если бы подлинно имѣли въ виду безопасность Великобританіи; то не тогда ли было время самое благопріятное утвердить оную? Если Англія хотѣла увеличить свои владѣнія; то и въ томъ имѣла бы успѣхъ; ибо Первый Консулъ все сіе предлагалъ ей. Слѣдственно не одна только ненависть противу Фран-

ціи и начальника ея заставила объявить войну.

Скоро однако жъ открылось, что для обоихъ народовъ не было мѣста, на которомъ они могли бы встрѣтиться и сразиться; на берегахъ канала соединившееся Французское войско и собранные на противной сторонѣ волонтеры тщетно предлагали взаимные вызовы. Питту поручено министерство: умные люди тотчасъ замѣтили, что сіе было признакомъ новаго несчастія. Тщетно Глава Французскаго правительства, получивъ Императорское достоинство, писалъ къ Его Бриттанскому Величеству о начатіи вновь мирныхъ переговоровъ. Предложеніе отвергнуто; будто потому что Англія сперва должна посовѣтоваться съ своими союзниками. Въ самомъ дѣлѣ же она тайно заботилась о новомъ военномъ союзѣ. Послы наши при дворахъ, Вѣнскомъ и С. Петербургскомъ, работали неутомимо. Россія одобрила планъ войны противу Франціи; Австрія вняла совѣтамъ Англіи и Россіи. Опредѣлено сдѣлать нападеніе нечаянное и страшное. Сказываютъ, что сообщили Французскому правительству такія посредническія предложенія, о которыхъ напередъ знали, что оно ихъ неприметъ, и что Императоръ Австрійскій то возвышалъ, то понижалъ тонъ свой, смот-

ря по мѣрѣ готовности выступить въ поле.

Тайна военнаго союза скоро обнаружилась; дѣятельность Британскихъ пословъ и большіе наборы какъ въ Австріи, такъ и въ Россіи не могли оставить его въ неизвѣстности. Тщетно Австрія въ запискѣ къ Французскому правительству увѣряла, что приготовленія клонятся единственно къ сохраненію мира; ей отвѣчали, что когда Императоръ Французовъ принужденъ будетъ отражать силу силою, то онъ нестанетъ ждать, пока Русскіе соединятся съ Австрійцами. Австрійцы, будучи принуждены начать военныя дѣйствія безъ союзниковъ, и находясь подъ управленіемъ людей между собою несогласныхъ, слабо противились Французамъ. При первомъ сраженіи большая часть войска ихъ отдалась въ плѣнъ; остатки разсѣяны; такимъ образомъ военной союзъ рушился.

Въ сей войнѣ примѣчается немаловажное упущеніе сдѣланное союзниками: они дозволили Прусскому Королю съ многочисленнымъ его войскомъ оставаться неутральнымъ, не обязали его никакимъ договоромъ, незаставили его взять участіе въ общемъ дѣлѣ, къ чему рѣшительно приступить бы надлежало. Ошибка сія сдѣлала онѣ упованія, что Прусскія про-

нивѣ своей воли будетъ увлечена бы-стрымъ стремленіемъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ Австрійцы остались безъ помощи. Вторая Россійская армія на-пуши задержана Пруссіею, которая объявила, что не пуститъ оную черезъ свои области. Слѣдственно судьба всего союза основалась на отчетѣ одной державы, на которую Англійское Министерство не могло совершенно понадѣяться.

(*Окончаніе въ слѣд. Нум.*)

X.

Извѣстія и замѣчанія.

Густавъ Адольфъ, бывшій Король Шведскій, всегда чувствовалъ нѣкоторое отвращеніе отъ Стокгольма, воспоминая плачевную кончину своего родителя, а можетъ быть еще предвидя слѣдствія своего царствованія. Онъ рѣдко живалъ въ своей столицѣ, но по большей части или въ чужихъ краяхъ, или въ провинціяхъ, или въ увеселительныхъ замкахъ. Въ Стокгольмѣ 13го Марта рѣшена судьба его, а 29го числа въ Грипсгольмѣ тоже воспослѣдовало съ его потомствомъ. Въ сей день принудили его за *себя* и за *дѣтей своихъ* подписать отреченіе навсег-

да отъ Королевскаго престола. Манифестъ сей прочитанъ на сеймѣ государственномъ въ Стокгольмѣ, предложенъ планъ новой конституціи, и Шведская корона отдана Герцогу Зюдермандландскому, которой въ новомъ достоинствѣ своемъ называется Карломъ XIII. Онъ бездѣтенъ; слѣдственно нынѣшніе Шведы могутъ дожить до новаго Королевскаго родоначалія. Густавъ Адольфъ въ уединеніи своемъ въ Гриппсгольмѣ занимается музыкою, сочиняетъ марши, читаетъ газеты и Библію.

*

Объ Австрійскомъ Фельдмаршалъ-Лейтенантѣ Маркизѣ Шастелерѣ, которой теперь воюетъ въ Тиролѣ, написано въ 11мъ Французскомъ бюллетинѣ слѣдующее: „Шастелеръ съ горстью забіянъ прищелъ въ Тироль. Онъ проповѣдовелъ мятежи, грабительства и убійства. Передъ его глазами многія тысячи Баварцовъ и около сотни Французскихъ солдатъ лишены жизни. Онъ своими похвалами возбуждалъ сихъ горныхъ медвѣдей (Тирольцевъ) въ убійству и раздражалъ ихъ свирѣпость. Въ числѣ умерщвленныхъ на семъ побоищѣ Французовъ было 60 человѣкъ уроженцовъ изъ Белгіи то есть земляковъ Шастелера. Бѣднякъ сей, осыпанный благодѣяніями Императора (Наполеона); по милости его обращенъ полу-

чилъ богатыя свои помѣстья, приносящія доходу по нѣскольку милліоновъ, явилъ себя чуждымъ благодарности и тому чувству, которое даже самыхъ варваровъ заставляетъ любить своихъ однозем цовъ." Шастелеръ заслужилъ весьма худую славу у Французовъ: Императоръ Наполеонъ объявилъ его человѣкомъ состоящимъ внѣ покровительства законовъ и подлежащимъ суду военному. Напротивъ того Австрійскій Императоръ весьма одобряетъ поведеніе Маркиза. Въ письмѣ къ Ерцгерцогу Карлу написалъ онъ, что съ Французскими Генералами Дюроснелемъ, Фулемъ и другими, въ плѣнъ Австрійцамъ доставшимися военными чиновниками, поступлено будетъ такъ точно, какъ Императоръ Наполеонъ поступитъ съ военноплѣнными Австрійцами, и именно съ Маркизомъ Шастелеромъ. Сей Генералъ, какъ по послѣднимъ извѣстіямъ видно, дѣйствуетъ не безъ удачи. Изъ Минхена и другихъ мѣстъ пишутъ, что въ Тиролѣ опять худо союзникамъ, и что Австрійцы вступили въ Ландау и даже зорвались въ Баварію.

Австрійская главная квартира по 7е число Іюня находилась въ Волкерсдорфѣ, на лѣвой сторонѣ Дуная. Императоръ Наполеонъ пребываетъ въ Эберсдорфѣ, увеселительномъ замкѣ, отъ Вѣны въ двухъ

миляхъ. Между обѣими арміями ничего важнаго непроисходило послѣ кровопролитной двухъ-дневной при Аспернѣ битвы, на которой съ обѣихъ сторонъ погибло 50,000 воиновъ. Рѣшительныя дѣйствія начнутся, по видимому, не прежде какъ обѣ арміи усилены будутъ новыми подкрѣпленіями: сіе должно случиться весьма скоро; ибо къ Ерцгерцогу Карлу присоединяется Ерцгерцогъ Іоаннъ, отступившій изъ Италіи, и Венгерская милиція, а къ Французамъ также идутъ свѣжія войска. Принцъ Понте-Корво, для прекращенія какихъ-то безпокойныхъ слуховъ, объявилъ своему корпусу, что Вице-Король Италіи 29 Мая вступитъ въ Вѣну, и что войско, приведенное имъ на помощь Императору, состоитъ болѣе нежели изъ 60,000.

Несчастная Вѣна представляетъ самое плачевное позорище. Временное правительство издаетъ увѣщательныя прокламаціи къ жителямъ, требуя и убѣждая, чтобъ они оставались въ покоѣ. Всѣ монастыри, манежи, редутныя залы превращены въ больницы и наполнены ранеными. Фунтъ хлѣба стоитъ 4 гульдена, фунтъ говядины 1 гульденъ 15 крайцеровъ, фунтъ масла 8 гульденовъ, яйцо 30 крейцеровъ; пива совсѣмъ почти достать не можно.

*

Изъ Дрездена пишутъ, что 11 го Іюня въ вечеру совсѣмъ неожиданно вступилъ туда Австрійской корпусъ, изъ 12 тысячъ человѣкъ состоящій подъ начальствомъ Генерала Аменде. На другой же день авангардъ отправился къ Лейпцигу, откуда Саксонскій Король уѣхалъ уже въ Ерфуртъ.

*

Маіоръ Шиль окончилъ подвиги и жизнь свою въ Стралзундѣ. Пришедши въ сей городъ съ частію своей шайки, состоящею изъ пѣхоты и конницы, послѣ упорнаго сраженія съ Мекленбургскимъ баталіономъ онъ рѣшился защищать его отъ Голландцовъ и Датчанъ, которые спѣшили для освобожденія Стралзунда. Войска сіи подступили къ городу, и несмотря на храбрую оборону, ворвались въ самую внутренность. Улицы усѣяны были мертвыми тѣлами; сраженіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока ружейныя пули неповертли Шиля. Трупъ его отнесенъ въ ратушу, и спокойствіе возстановилось. Такъ гласятъ извѣстія изъ Стралзунда. Казалось бы, что нѣтъ ни надобности, ни причины сомнѣваться въ смерти Шиля; однакожъ въ Гамбургѣ и во всей сѣверной Германіи поговариваютъ, будто сей начальникъ удальцовъ обрѣтается еще между живыми. Не нужно сказывать, что къ

безпристрастїю газетировъ съ нѣкотораго времени имѣютъ мало довѣренности, по причинамъ весьма извѣстнымъ. Политики бульваровъ и кофейныхъ домовъ несравненно охотнѣе читаютъ и списываютъ рукописныя реляцїи, нежели газеты, по дозволенїю правительства печатаемыя. И такъ не мудрено, что въ Гамбургѣ, или гдѣ-бы то ни было, за общимъ столомъ въ гостинницахъ, держа въ одной рукѣ ложку, въ другой листокъ, съ жадностїю читаютъ рукописныя извѣстїя, которыя часто бываютъ не вѣрнѣе печатныхъ.

*

Новости изъ Португаллїи непрїятныя. Генералъ Веллеслей окружилъ Французскую армїю подъ начальствомъ Герцога Далматскаго при Опорто, такъ что Французскїй военачальникъ принужденнымъ нашелся вступить въ переговоры, и пожелалъ тѣхъ же условїй, какїя въ прошломъ году заключены съ Генераломъ Жюно. Но какъ Г. Веллеслей не имѣлъ охоты въ другой разъ перевозить Французское войско во Францїю, то и несогласился удовлетворить волю Маршала, а потребовалъ, чтобы онъ отдался въ плѣнъ со всѣмъ корпусомъ. Увѣряютъ, будто Герцогъ наконецъ подписалъ условїя. Въ Гамбургѣ знаютъ, что Французской корпусъ состоялъ изъ 14,000, что онъ отправленъ въ Англїю, и что

Лондонъ три дни освѣщенъ былъ по сему случаю.

*

Стремительный токъ разлившейся воды влечетъ съ собою и тяжелыя бревна и легкіе отломки. Политической миръ представляетъ нѣчто подобное. Кто подумалъ бы, что Пруссія такъ скоро послѣ крайняго изнеможенія ощутила въ себѣ новыя силы къ военнымъ предпріятіямъ? Однакожь всего вѣрнѣе, что войско сей державы мало по малу приведено уже въ такое состояніе, что въ случаѣ нужды можетъ дѣйствовать: теперь полки снабжаются всѣми потребностями; набираются рекруты и погоньщики; артиллеристы безпрерывно работаютъ въ лабораторіяхъ; солдатъ заставляютъ учиться; офицерамъ, внѣ службы находящимся и получающимъ только половинное жалованье, дано знать, чтобы неотлучались отъ мѣстъ своего пребыванія; короче: пишутъ изъ Берлина, что тамъ все принимаетъ видъ военный, что Короля ожидаютъ съ часу на часъ въ сей городъ, и что нѣкоторымъ полкамъ наслано уже повелѣніе идти въ походъ, а другимъ готовиться къ выступленію.

*

Маршалъ Герцогъ Монтебелло (Ланнъ) умеръ отъ раны. Императоръ Наполеонъ

весьма огорченъ смертію своего *друга* — такъ называютъ его издатели Вѣдомостей.

Кайена и Мартиника достались Англичанамъ. О сдачѣ первой подписанъ договоръ 12 Января 1809, съ одной стороны Французскимъ главноначальствующимъ въ Кайенѣ и Гвіанѣ Викторомъ Гюгесомъ, а съ другой начальникомъ соединеннаго Англійскаго и Португальскаго флота Джамесомъ Люкасомъ Иео и Подполковникомъ Португальской артиллеріи Мануелемъ Маркесомъ; договоръ о сдачѣ Мартиники заключенъ 24 Февраля 1809 съ одной стороны начальствующимъ надъ сухопутнымъ Англійскимъ войскомъ Генералъ-Лейтенантомъ Жоржемъ Бекуитомъ и Контръ-Адмираломъ Александромъ Кохраномъ, а съ другой Французскимъ Генераломъ Вилларетомъ.

Островъ Мартиника открытъ Испанцами. Французамъ достался онъ въ половинѣ 17 столѣтія, потомъ былъ подъ властію то Французовъ, то Англичанъ попеременно до 1802 года, въ которомъ по Амьенскому договору отданъ Франціи. Жителей на немъ, бѣлыхъ, мулатовъ и неграовъ, считается до 110,000. Главныя произведенія суть: сахаръ, кофе, хлопчатая бумага и индиго.

Островъ Кайена и обширная приморская полоса земли составляютъ Французскую южную Америку. Кайена въ окружности имѣетъ 10 миль географическихъ, изобилуетъ лѣсами и болотами и для людей весьма нездорова. На возвышенныхъ мѣстахъ разводятъ сахаръ, кофе, какао, индиго, хлопчатую бумагу и проч., но не въ большомъ количествѣ. Вся южная Французская Америка заключаетъ въ себѣ не болѣе 14,000 жителей; число ихъ невелико по причинѣ множества ядовитыхъ змѣй и другихъ весьма опасныхъ животныхъ.

26 *Іюня.* *К.*

XI.

Увѣдомленіе.

На имя Издателя получено изъ Почепа письмо слѣдующаго содержанія:

„Препровожденные отъ васъ въ четырехъ пакетахъ 180 рублей я получила. Изъясните вамъ свою благодарность за то одолженіе, которое вы оказали мнѣ, помѣстивъ письмо отъ неизвѣстнаго въ вашемъ Вѣстникѣ о горестномъ положеніи моего семейства, я не въ силахъ: одинъ Всевышній зритъ, что я чувствую. Да

наградитъ Онъ васъ всѣми благами! Вы исторгли несчастную мать и дѣтей изъ пагубной бездны нищеты. Горесть доводила меня не рѣдко до отчаянія; дѣти въ рубищахъ, стенящіе отъ холода и голода, всечасно раздирали мою душу. Положеніе мое было тѣмъ ужаснѣе, что я не надѣялась ни откуль получить помощи, какъ вдругъ услышала, что мое несчастіе описано въ Вѣстникѣ Европы. Съ тѣхъ поръ, до сего времени, получила я значущую помощь; но всѣхъ болѣе обезпечена щедростію великодушнаго Владѣльца мѣстечка Почепа, Его Сіятельства Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, который приказалъ изъ своей экономіи выдавать мнѣ ежегодной пенсіи по 150 рублей.

Присоединяю къ вашимъ одолженіямъ еще одно: помѣстите сіе письмо, съ приложеннымъ реестромъ въ вашемъ Журналѣ. Пусть благодѣтельныя Особы увидятъ плоды своего великодушія. Ихъ помощію перешла я изъ убогой хижины въ приличную моему состоянію квартиру, и теперь имѣю хлѣбъ для себя и дѣтей моихъ. Мнѣ осталось до конца жизни своей молить Бога за своихъ благодѣтелей и быть съ нешаннымъ почтеніемъ, вашею и пр.“

Подписано: *Маріа Вершинина.*

РЕЕСТРЪ,

сколько и ошкуда получено отъ благодѣтельныхъ Особъ на вспоможеніе для несчастнаго семейства Марьи Васильевны Берингової, по письму напечатанному въ 8 No Вѣстника Европы, 1809.

	Рубл.
Его Сіятельство, Графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій назначилъ ежегодную пенсію по	150
Въ Почетъ:	
Неизвѣстная Особа.	30
Ея Высокоблагородіе, Елисавета Яковлевна Безобразова.	10
Его Высокоблагородіе, Федоръ Ивановичъ Острогорской.	10
Чрезъ Г. Издателя Вѣстника Европы:	
Отъ неизвѣстныхъ Особъ.	60
Въ другомъ пакетѣ отъ разныхъ Особъ.	75
Изъ Горбатова отъ Господина Приклонскаго.	10
— Москвы отъ Андрея Дмитріевича Сущова.	10
— —— отъ господина С.	20
На имя мое:	
— —— отъ неизвѣстной особы.	100
Чрезъ Господина Зандмарка:	
Изъ Оспашкова отъ неизвѣстной Особы.	5
— Москвы отъ Госпожи С. К. Н.	25
— Санктпетербурга подъ литерами А. Б. ассигнаціями.	25
— и червонецъ	8

	Руб.
Изъ Курска отъ Н. Росс... наго	25
— Константинограда отъ Его Высокоблагородія Дмитрія Ивановича Сулимы.	10
— ——— отъ Его Благородія, Александра Игнатьевича Безобразова.	5
— ——— — — ——— Павла Игнатьевича Бужинскаго.	5
— ——— — — ——— Якова Ивановича Гилевскаго.	5
— Переяславля отъ Его Благородія, Григорія Федоровича Киселевскаго.	25
— Семенова отъ неизвѣстной Особы.	10
— Суздаля отъ Господ. Купца В. Белина.	10
— Волочиска отъ В. С. А.	100
— Симферополя отъ неизвѣстн. Особы.	50
— Инсары отъ неизвѣстной Особы.	25
— Кирсанова отъ неизвѣстн. Особы.	25
— Вышняго Волочка отъ неизвѣстн. Особы.	10
— Чернигова отъ Его Благородія Матвѣя Григорьевича Гудима-Левковича.	5
И того	763

М. Берингова.

сандра Великаго — Анакреонта — Антисѳена — Аполлонія Родійскаго — Аполлонія Тіонейскаго — Аппулея — Арата Архимеда — Архита — Аристофана — Аристида — Аристиппа — Аристомаха — Аристотеля — Каллисѳена — Карнеада — Хилона — Хризиппа — Кратеса — Демокрита — Демосѳена — Діогена Синопійскаго — Епименида — Епикура — Евклида — Еврипида — Гераклида — Исіода — Иппократа — Гомера — Исократа — Леонида — Ликурга — Лизандра — Менандра — Миноя — Мосха — Ѳедона — Пиндара — Питтака — Платона — Посидиппа — Посидонія — Пиѳагора — Пиѳіи — Саффы — Симонида — Сократа — Солона — Софокла — Ѳалета — Ѳеокрита — Ѳеофраста — Тезея — Тразибула — Ксенократа — Ксенофонта — Залевка. — Переводъ съ Нѣмецкаго языка Гна. Никифорова. — 1792 г. — Цѣна въ перепл. 2 руб. 90 коп.

Путешествіе Китайскаго посланника къ Калмыцкому Аюкѣ хану, съ описаніемъ земель и обычаевъ Россійскихъ. Перевелъ Надворный Совѣтникъ Алексѣй Леонтіевъ. С. П. Б. 1782 г. — въ тип. при Академ. Наук. — Цѣна въ переп. 2 руб.

Гг. иногородные могутъ сіи книги и другія выписывать изъ вышеозначенной лавки чрезъ Почту, адресуясь на имя книгопродавцевъ Инихова и Базунова.

2-50

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Приключенія застѣнчиваго человѣка. 3

II. Молочница и золотыхъ дѣлъ мастеръ. 13

III. О веселости. - - 21

IV. Разговоръ Моды съ Разсудкомъ. 22

V. Ужасъ!! - - - 34

VI. Къ К. Е. Д. Щ. - - 38

VII. Письмо изъ Іерусалима къ Патріарху Іерусалимскому. - 43

VIII. Молитвы бѣдныхъ. - - 48

IX. О войнѣ между Англіею и Франціею. 53

X. Извѣстія и замѣчанія. - 69

XI. Увѣдомленіе. - - - 77

Реестръ. - - 79

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

HALL USE